

ПЛАНЪ города МОСКВЫ

1894

ВИТАЛИЙ БОРИСОВ
АЛЕКСАНДР ОРЛОВ

СЛЕДЫ ПРОШЛОГО, ИЛИ МОСКОВСКИЕ ТАЙНЫ

Виталий Борисов

**Следы прошлого, или
Московские тайны**

«Издательские решения»

Борисов В.

Следы прошлого, или Московские тайны / В. Борисов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-838419-6

В последнее время в Первопрестольной стали твориться очень нехорошие и престранные дела: в разных районах города с завидной регулярностью стали находить трупы с очевидностью убитых москвичей...

ISBN 978-5-44-838419-6

© Борисов В.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1. Странное дело	6
Глава 1. Визит незнакомца	6
Глава 2. Беспокойная ночь	11
Глава 3. Убийство в Стрелецком переулке	20
Глава 4. Утро туманное...	27
Глава 5. Пропал генерал!	31
Глава 6. Следствие по делу...	39
Глава 7. Убийство на Трубной	43
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Следы прошлого, или Московские тайны

Виталий Борисов
Александр Орлов

Дизайнер обложки Надежда Орлова

© Виталий Борисов, 2018

© Александр Орлов, 2018

© Надежда Орлова, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4483-8419-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. Странное дело

Было далеко за полночь. Один фонарь только озарял капризно улицу и бросал какой-то страшный блеск на каменные дома и оставлял во мраке деревянные...

Н. В. Гоголь («Страшная рука»)

Как страшно... когда все чувствует двенадцать часов, когда отдаленный будочник спит, когда кошки, бессмысленные кошки, одни спеваются и бодрствуют! Но человек знает, что они не дадут сигнала и не поймут его несчастья, если внезапно будет атакован он мошенниками, выскочившими из этого темного переулочка, который распротер к нему свои мрачные объятия.

Н. В. Гоголь («Фонарь умирал»)

Глава 1. Визит незнакомца

Отставной генерал-майор Сидор Терентьевич Сырцов 2-й – тучный, приземистый старик в поношенном сюртуке и полинялой от времени фуражке без кокарды, вышел не спеша ранним утром второй половины августа 1894 года на веранду своей усадьбы, расположенной на высоком берегу Волги.

Было прохладно. Солнце уже встало, но над волжским простором, раскинувшимся под косогором, еще стояла густая туманная дымка, из которой до ушей Сидора Терентьевича доносились то гулкие гудки пароходов, то брань грузчиков с пристани.

Оглядевшись и что-то недовольно пробурчав себе под нос, Сидор Терентьевич прошагал к легкому плетеному столику у края веранды, несмотря на ранние часы уже сервированному к завтраку. Он отодвинул стоящее рядом кресло и с кряхтением опустил в него свое грузное тело. Шумно вздохнув, он снял фуражку, любовно разгладил рукой свои седые усы и редкие, по прихоти лет, бакенбарды, оправил сюртук, и только после этого приглушенно крикнул:

– Маланья, неси самовар!

Словно только и ожидая этого сигнала, с лестницы, снизу, выплыла дородная фигура молодой девки с дымящимся самоваром в руках. Она грациозно, стараясь всеми силами походить на виденных ею где-то барышень из света, прошествовала к столу и бухнула самовар на подставку посреди стола. Легкий столик качнулся под его тяжестью и генерал, дернувшись непроизвольно в сторону, наградил девку грозным взглядом.

– Доброе утречко, Сидор Терентьевич! – нараспев произнесла девка, отступив от стола и улыбаясь во весь рот. – Хорошо ли почивать изволили?

Сырцов скосил на нее взгляд и недовольно буркнул:

– У, дура! – Туда же, в барышни норовит! – и прибавил снова со смаком – Дура!

Улыбка на лице девки разом потухла и сменилась презрительной гримаской.

– Ну, уж и не дурей некоторых! Я, чай, и не в таких домах-то работала. И баринов настоящих повидала, да уж!

– Маланья! – сурово поднял бровь генерал. – Выпорю!

– А и выпорите, все при своем останусь. Вот! А то и уйтить могу. Меня давеча к Григорьевым звали. У их-то барин молодой... Что как и вправду уйду? Кто вам будет чай-то подавать? Кто, а?

Она остановилась перед ним в позе гладиатора-победителя на арене римского цирка.

– Ладно, уймись! – уже более дружелюбно произнес Сырцов, махнув на нее рукой, – Сходи-ка лучше, побуди барыню. Пора уж.

Он прикрыл глаза, стараясь погасить набиравшее силу раздражение. Причины на то были немаловажные: день предстоял суетной!

Который уже год, с той самой поры, как вышел Сидор Терентьевич в отставку, в конце лета он, вместе со своей благоверной, после нудных, муторных и, казалось, нескончаемых сборов отправлялся в дальние края – гостевать к дочери в Петербург.

Дочь их, Полина, жила безбедно и бездетно замужем за юристом, который был довольно еще молод, но – моден, имел уже собственный выезд и дом на Васильевском, выписывал газеты аж из Парижа и снимал ложу в театре.

Не любил Сидор Терентьевич своего зятя. Дочь, впрочем, тоже. Тяготился и столичным гамом, и тоскливо-мучительными для него семейными вечерами с непременным Винтом и бестолковыми разговорами. И особенно поездками в театр. Посетив там неоднократно буфет, он дремал, аплодировал невпопад, сердился то и дело и, не дождавшись времени, собирался уезжать, с затаенной и несбыточной надеждой, что спутники его останутся. Но они каждый раз послушно следовали за ним. Досадуя на то, Сидор Терентьевич брюзжал всю дорогу и уже дома, потребовав коньяку, пыхтел своей трубкой и, злорадствуя, изводил домочадцев мелочными придирадками.

Случалось, впрочем, что бритое чело генерала вдруг неожиданно прояснялось. Он начинал говорить медленно и раздумчиво, отвечал спокойно, с непривычной щедростью одаривал целковыми прислугу, а в глазах его сквозило выражение несколько даже мечтательное. Это все настолько не соответствовало его обычному сурово-солидному облику, что тревожило домашних, а лакей Прохор, старый вояка, иной раз прямо-таки столбенел и долго, бывало, глядел генералу вслед, раскрыв рот и качая значительно головой.

Была у Сидора Терентьевича тайна. Каждый раз на обратном пути он, выдумав неотложное дело, заезжал на недельку-другую в Москву, где снимал уже четвертый год мансарду в древнем домишке в одном из сретенских переулков.

Там, неприметный среди московских обывателей, он оживал, словно молодел лет этак на двадцать. Толкался на Сухаревке, бродил длинными осенними вечерами безлюдными, с недоброй славой, переулками. А если когда встречался ему на пути незамеченный днем кабачок или бедный трактиришко, из тех, в которых столовались обыкновенно извозчики, Сидор Терентьевич довольно крякал и не упускал случая зайти и подкрепиться рюмочкой Смирновской. Потому как относился к этому напитку с одобрением. Не дурак был выпить Сидор Терентьевич.

Впрочем, справедливости ради отметим, что заведений более приличных он тоже вниманием своим не обделял. Бывал у Тестова и в милом его сердцу «Саратове», а то и в «Славянском базаре» придет, бывало, фантазия отобедать. Что же – отобедает и в «Славянском базаре». Ну а коли уж встретит его превосходительство по случаю какого-нибудь старинного знакомого по Турецкой ли кампании или другой какой доблестной оказии, тут уж, как говорится, и воспоминания, и Смирновская – все вперемежку! И распахнется тогда душа Сидора Терентьевича во всю свою волжскую ширь, и пустится наш герой с такой родственной душой, каким-нибудь отставным же «благородием», во все грехи – по возрасту и здоровью для него уже тяжкие, так что, бывает, найдет себя поутру в самом непредвиденном месте... Однако нужно заметить, что Сидор Терентьевич был человеком положительным и приключений таких специально не искал. Даже осуждал нелицеприятно впоследствии, мучимый изжогой и совестью.

Но всему приходит конец. И с первыми заморозками, вслед пролетающим мимо птичьим стаям, возвращался домой и Сидор Терентьевич. Дома его уже ждали: жена, Анастасия Ивановна, доставленная к тому времени из столицы в сохранности старательным и заботливым

Проخورом и разумом скорбной Маланьей... И снова тянулись неразлично серые дни тусклой, бессмысленной, какой-то даже растительной жизни.

Так продолжалось уже много лет. Привычный порядок был нарушен лишь однажды: прошлым летом, узнав о болезни Полины, Анастасия Ивановна заспешила к дочери, и наш герой, сопроводив свою благоверную в Северную столицу и, как водится, не задержавшись там надолго, оказался в Москве тремя неделями ранее обычного. Его пребывание в Первопрестольной в тот раз тоже было непродолжительным, так что в итоге Сидор Терентьевич оказался дома едва ли не раньше жены, чем немало ее удивил.

Анастасия Ивановна о чем-то, верно, догадывалась. Но, уставшая от бесконечных придирок, встречала его отлучку с облегчением. Тем паче приезжал домой Сидор Терентьевич добродушным и даже ласковым. Будто нашкодивший и сознающий свою вину ребенок.

Позднее предосеннее солнце заискрилось в стоящем напротив чайном стакане, блеснуло сквозь опущенные веки. «Жарко будет», – подумалось ему. Потом мысли Сидора Терентьевича лениво качнулись куда-то в сторону. Вспомнил почему-то Самару, где был в позапрошлом году, покупал лошадей и повздорил с барышником. К чему-то возникла в памяти фигура тамошнего помощника присяжного поверенного – плешивого молодого человека «с дурным глазом»... Он стал подремывать.

– А взаправду, Сидор Терентьевич, говорят, будто скоро мировая катаклизма приключиться должна? – вернул его к действительности резкий голос Маланьи. Генерал тряхнул головой, вперил вперед себя непонимающий со сна взгляд.

– Ты тут еще? Ей-ей, выпорю!

Тут только Сидор Терентьевич вполне очнулся от дремы и увидел вдруг, что Маланья не одна, а рядом с ней стоит... мужик не мужик, вроде и не из приказчиков, и не то чтобы «из благородных»... Так скажем: стоит некий субъект неизвестного звания, к тому же наружности престранной!

– Кто таков? – прошипел Сидор Терентьевич сквозь зубы и с некоторой даже угрозой. Но так как субъект неизвестного звания продолжал безмолвно стоять свечкой и смотреть на него, будто и не слыша вопроса, генерал еще раз встряхнул головой, оперся кулаками о стол и, тяжело приподнявшись, рявкнул командирским рыком прямо в лицо незнакомцу:

– Кто таков, спрашиваю, что нужно?!

Незнакомец полез было рукой в карман, но затем снова замер. Генерал, рассерженный непослушанием или нерасторопностью визитера, вышел из-за стола и, заложив руки за спину, стал приближаться к своему молчаливому гостю. Того это обстоятельство, видимо, совсем не испугало, он даже бровью не повел, губы его оставались сжатыми, даже дыхания его не было слышно, точно он обратился в мертвого.

Сидор Терентьевич, не дойдя до него двух шагов, остановился, тяжело дыша от охватившего его возбуждения, и видя, что незнакомец продолжает стоять точно изваяние, стал похлопывать себя рукой по левому боку, ища по привычке саблю, чтобы изрубить в капусту странного субъекта. Не найдя, однако, названного предмета и придя от этого в еще большую ярость, он быстро засучил рукав и замахнулся своим, не потерявшим былую силу кулаком.

А надо сказать, что Сидор Терентьевич с молодости и в бытность свою на службе был большой охотник поиграть кулаками и потешить душу в молодецкой потасовке. Еще юнкером, а потом и все время, пока шагал по служебной лестнице, имел он эту слабость к мордобою, которая хоть и порицалась командованием, но не наказывалась слишком строго. Во время военных кампаний так даже наоборот – поощрялась.

В Турецкую 1877 года, когда он служил уже в звании подполковника в Лейб-гвардейском Московском полку и участвовал в сражении с турками у Правца, не умение управлять войсками в ходе боя, а именно мастерское владение кулаками в рукопашной принесло ему Владимира с бантом и повышение в чине.

Но все изменилось, когда Турецкая кампания закончилась, и он с полком в зените славы вернулся в Москву. Как-то за игрой в карты, находясь изрядно подшофе, он в разговоре довольно вольно проехался по поводу начальника своей дивизии – графа Шувалова. Это вызвало возражения адъютанта графа, сидевшего с ним за одним столом. Совсем некстати, не имея представления о характере полковника Сырцова, адъютант вступился было за своего обожаемого патрона – и был тут же на месте отправлен полковником в глубокий нокаут, вывести из которого адъютанта смогли нескоро. Горяч был Сидор Терентьевич!

История эта наделала много шума в дивизии и грозила принести массу неудобств Сырцову. Только лишь благодаря заступничеству все того же Шувалова, перед которым полковник смиренно повинился и был милостиво прощен в силу своих былых заслуг, он отделался лишь сравнительно малой кровью и отсидел положенный ему срок под домашним арестом.

Оскорбленный, однако, до глубины души адъютант немедленно по выходу Сырцова из-под ареста предложил ему стреляться, на что получил в ответ от полковника кукиш и обещание снова набить ему морду, коли тот не отвяжется. Такое поведение Сырцова никак не вязалось с кодексом офицерской чести, и на этот раз сами его бывшие товарищи по полку добились отчисления Сырцова из гвардии и перевода в провинциальный армейский гарнизон. Так Сидор Терентьевич попал, хотя и без понижения в должности и звании, в Сызранский гренадерский полк.

Это обстоятельство глубоко задело самолюбие Сидора Терентьевича и он, хотя и с усердием прослужил в полку до 1885 года и получил звание генерал-майора, подал наконец в отставку и поселился уединенно в своей усадьбе под Нижним, вместе с благоверной своей Анастасией Ивановной и дочерью Полиной.

Прожив с годик в своей глуши, Сидор Терентьевич почувствовал вдруг неодолимую тягу к перемене мест и одновременно страстное желание вырваться на простор из той семейной идиллии, на которую сам себя обрек. А тут как раз и дочка вышла замуж и уехала жить к мужу в Петербург, чем еще больше раздосадовала отставного генерала Сырцова. С тех пор и начались эти тайные вояжи его в Москву и круизы по самому дну Первопрестольной.

Страсть его к кулачным упражнениям с той поры несколько поубавилась, как поубавилось и здоровья Сидора Терентьевича. Он отяжелел от бездельной жизни, огруз и бегал теперь не так быстро, как прежде, хотя тяжелые его кулаки были хорошо известны в округе и все еще пользовались заслуженным уважением.

Незнакомец, заметив занесенный уже над ним кулак взбешенного генерала, повел себя вдруг совершенно неожиданно. Мягко отстранившись от нашего героя, он молча сел на стул, положил небрежно руку на край стола, закинул ногу на ногу и устремил на Сидора Терентьевича взгляд своих черных пронзительных глаз, вдруг выплывших из-под давно не мытой шевелюры, закрывавшей ему большую часть лица.

Рука Сидора Терентьевича, уже начавшая свое поступательное движение вперед, вдруг запнулась на месте, и сам он застыл ошеломленный в той самой позе изваяния, в какой минуту назад пребывал незнакомец. Готовый было вырваться из его горла возглас удивления так и остался на устах его, уступив место какому-то бульканью.

Незнакомец между тем спокойно полез в карман, вынул оттуда портсигар, достал, все так же не спеша, папиросу, чиркнул спичкой и закурил, выпустив под нос ошалевшему от такой наглости генералу облачко сизого дыма. Едкий запах привел Сырцова в чувство и он, опустив руку, отступил на шаг в сторону. Он обернулся, ища глазами Маланью, но ее уже не было рядом. Незнакомец же вынул изо рта папиросу, весь подался назад и вдруг громко, раскати-сто расхохотался. Он смеялся, широко раскрыв рот, разведя руки в стороны и покачиваясь на стуле.

Сидор Терентьевич даже присел, пораженный этой новой выходкой странного гостя. На шум из дому выскочил растрепанный и наполовину одетый лакей Прохор, которого крик

барина словно ветром сдул с его лежанки, а за ним следом, с интервалом в минуту, показалась испуганная физиономия Маланьи, должно быть решившей, что «катаклизма», о которой вчера говорил в церкви отец протоиерей, разразилась-таки, и если не во всем мире, то по крайней мере, в пределах Нижегородской губернии. Следом за ними появилась немало обеспокоенная Анастасия Ивановна. Тем временем между незнакомцем и генералом, который не отрывал взгляда своего от портсигара гостя, произошел чрезвычайно странный разговор:

– Ваш, ваш портсигарчик, милейший Сидор Терентьевич, – кривляясь, проговорил наконец незнакомец, вежливо, в то же время, поклонившись генеральше.

– Вот и гравировочка ваша в уголочке, по ней мы вас и отыскали...

– Ах, ворюга! Я тебя... А ты! Мерзавец! – прорычал в ответ на это генерал, однако несколько уже поостыв и, кажется, начиная что-то соображать.

Бросив быстрый взгляд на своих домочадцев, он вдруг ухватил таинственного субъекта под руку и поволок его с веранды к флигелю, темневшему слева, среди купы деревьев, в котором наш герой обыкновенно и жил до наступления холодов.

– Что случилось? – успела только крикнуть встревоженная Анастасия Ивановна.

– Ничего, Настасьюшка, после скажу... – отвечивал на ходу генерал, прежде чем скрыться во флигеле.

Однако в тот день так и не разъяснилась странная эта история. Более того! Когда, выждав с час, Анастасия Ивановна пошла звать своего мужа и его таинственного гостя к завтраку, во флигеле никого не оказалось.

В комнате виднелись следы поспешных сборов, а на ломберном столике около двери лежала записка, в которой Сидор Терентьевич туманно ссылаясь на какие-то спешные дела и писал, чтобы Анастасия Ивановна ехала без него, он же всенепременно еще до Воздвижения будет в Петербурге – «если Богу будет угодно». Последняя приписка, тем более странная, что особой набожностью генерал никогда не отличался, повергла Анастасию Ивановну в совершенное недоумение. Учиненный ею по горячим следам пристрастный допрос Прохора и Маланьи ничего не прояснил. Так что почтенной Анастасии Ивановне не оставалось ничего другого, как запастись терпением.

Равно как и прочим заинтересованным лицам. Ибо наше повествование выписывает в этом месте прихотливую загогулину и, в то время как неясная еще цепочка странных событий продвигается к своей умопомрачительной развязке, возвращает нас на несколько месяцев ранее, а именно в ненастную московскую ночь начала сентября 1893 года.

Глава 2. Беспокойная ночь

На эту ночь в календаре было отмечено полнолуние, и хотя все небо было закрыто низкими, клубящимися облаками, по распоряжению городской управы, в целях экономии, фонарей по городу не зажигали. Кое-как освещены были только большие улицы, подъезды казенных учреждений, театры. Кривые же московские переулки совершенно тонули в сырой темноте. Разве что проглянется из мрака редкое в такое время освещенное окошко или вдруг распахнется и тут же захлопнется с глухим стуком какая-нибудь кособокая кабацкая дверца, чтобы выпустить позднего гуляку, мигнет неясный отблеск тусклой лампы при входе, которая не разгоняет тьму, а даже как бы сгущает ее по сторонам...

По мокрой мостовой Стрелецкого переулочка, стараясь держаться на уважительном удалении от черных провалов подворотен, двигался в это время дородный городской, старательно обходя лужи и неторопливо размышляя – куда бы теперь заглянуть для сугрева, чтобы уж потом закрыться в своей будке до утра, предоставив припозднившихся обывателей их собственной участи.

Вдруг в уши ему ударила быстро захлебнувшаяся трель дворницкого свистка. И из подворотни, едва не сбив его с ног, выскочил растрепанный дворник. Дворник остановился, тяжело дыша, близ городского и исторгнул из своей разинутой пасти какие-то нечленораздельные хриплые звуки.

– Илька, ты, что ли? – обратился к нему, приглядевшись, блюститель порядка. – Куда прешься, морда, очумел, что ли?

– Окажите ваших милостей, Илья Спиридонович, пожалуйста!.. – прорвало наконец дворника.

– Да ты пьян!

– Так точно! То есть никак нет, Илья Спиридонович!.. Мы его, значить, в дворницкую, глядь – а он как есть мертвый!.. А тот, значить, как выскочит!.. – вопил дворник.

Потеряв голову от страха, он потянул городского за рукав, увлекая за собой. Тот вздохнул обреченно, дернул брезгливо рукой и, тяжело ступая, последовал за дворником.

Из дверей дворницкой испуганно тарашилась баба в кофте поверх исподней рубахи, а сразу за порогом лежал, лицом вниз и раскинув руки, человек.

– Та-ак! – значительно протянул городской. Он потрогал лежащего носком сапога и оборотился к дрожавшему дворнику.

– Мертвый? Та-ак!..

– Мертвый, Илья Спиридонович... Оно, вишь, как... Городовой обошел вокруг тела, нагнулся, посмотрел на него сбоку.

– Та-ак!

Дворник, понимая важность момента, собрался с духом, разинул рот и... тоненько икнул. Выглядывавшая у него из-за спины баба вскрикнула и истово закрестилась. Городовой хмуро взглянул на дворника.

– Та-ак... Знаешь, кто это?

– А кто?

– Дурак, это я тебя спрашиваю! Ну-ка переверни его...

В это время за спинами у них послышались глухо нетвердые шаги, и из темноты в проеме распахнутой двери возникла фигура человека в помятом темном плаще и военной фуражке без кокарды.

– Что за шум, а драки нет? – дружелюбно пробасил человек, по-видимому, пребывая в самом радужном настроении.

– Ой! Опять он, убивец! – придурочно заверещала дворничиха.

Городовой вздрогнул и резко повернулся к двери. На дворника, еще не оправившегося от бывшего испуга, внезапное появление нового действующего лица, подкрепленное возгласом бабы, произвело действие внезапного громкого хлопка над ухом. Он подпрыгнул на месте, громко икнул и, в отличие от городского, шарахнулся в противоположную сторону – вглубь комнатушки, сбив с ног стоявшую у него за спиной бабу. Та неуклюже плюхнулась на пол и истошно завопила:

– А-а-а! Убили!.. Люди!.. У-уби-ли-и!

– Кой черт! – пробасил снова человек в дверях, ошарашенный реакцией на его слова, – Что за оказия?

Он шагнул через порог, но споткнувшись о ногу лежащего, качнулся к городовому, который, не сообразив еще толком, что к чему и как ему надлежит поступить, машинально заученным движением схватил незнакомца сзади за руку и принялся заламывать ее ему за спину.

Раздавшийся вслед за тем рев перекрыл бабий по всем показателям и по силе мог быть сравним разве что с ревом бешеного слона на последнем издыхании (бешеные слоны в Москве встречаются редко, и сравнение это сугубо приблизительное). Человек, радужное настроение которого разом улетучилось, оглашая воздух отборными ругательствами, рванулся из объятий городского так, что последний покачнулся и выпустил его руки. Сейчас же перед глазами блюстителя порядка предстало лицо незнакомца, с нахмуренными бровями и яростно сверкающими глазами, и вслед за тем тяжелый удар в челюсть сбил его с ног.

Городовой, очутившись на полу, в свою очередь дал волю рвавшемуся из него праведному гневу.

– Ах, мать твою... – отпустил он в пространство дворницкой длинный колоритный афоризм и, поднявшись на колени, потянул из кобуры револьвер. Тогда как его противник, вооружившись схваченной у двери метлой, набычившись, явно намеревался продолжить свое нелепое занятие.

Неизвестно, чем бы закончилась эта скоропалительная схватка, если бы дворник, достигнув безопасного удаления и защиты в виде печи-голландки, не выглянул из-за нее в тот момент. Вид сидевшего на полу городского, такое посрамление достоинства грозного Ильи Спиридоновича и поругание в его лице закона произвели на дворника тягостное впечатление. Но еще более сильные чувства он испытал, взглянув на его драчливого противника. Это было и чувство внезапной радости от сознания того, что тот, кого приняли за убийцу, не является таковым. Это одновременно был и ужас. Так как в сопернике городского он сразу узнал Сидора Терентьевича Сырцова, генерала и в высшей степени уважаемого жильца, вот уже несколько лет регулярно раз в год снимавшего комнату в их доме и заслужившего особую любовь дворника тем, что частенько, проходя мимо, не скупясь давал ему целковый на водку.

Заметив, что поверженный городской уже вытащил оружие, дворник с криком вылетел из своего укрытия и повис у него на руке, прижав ее к полу.

– Илья Спиридонович! Не он!.. Не он то, Илья Спиридонович, не убивец то!.. Дура баба!.. Не убивец! – Он повторял это без передыха, и повторял бы, верно, еще долго, но в следующую секунду на голову его с треском опустилось что-то жесткое и колючее, больно резанув кожу на шее и затылке. Это расвирепевший Сидор Терентьевич опустил на него свое импровизированное оружие, предназначавшееся городовому.

Это был последний эпизод славной битвы в дворницкой, закончившийся полной победой генерала. Трое его соперников в лице все еще сидевшей на полу и всхлипывающей от страха бабы, стоящего на коленях городского и дворника, лежащего у его ног, были повержены. Что касается неизвестного четвертого, то он в баталии участия не принимал и никаких признаков жизни не подавал.

Наступившее на миг победное затишье нарушил городской. Повернув к дворнику пышущее яростью лицо, он схватил его за ворот рубахи, так что та затрещала по швам, и прорычал, брызгая слюной:

– Ты это что, скотина! Ты это, значит, с ним заодно? Убью, сволочь!..

– Илья Спиридонович, Христом Богом клянусь! Не убивец то вовсе, жилец то наш, ошибка вышла! Дура баба! Орет незнамо что... – он повернулся к дворничихе, грозя ей кулаком. – У, окаянная!

– Ах, ошибка! Он меня в морду! Меня! В морду! Да я вас всех в острог! Да я...

Городовой отшвырнул от себя обескураженного дворника и, по-прежнему сжимая в руке револьвер, тяжело поднялся на ноги. Только теперь он смог хорошо разглядеть своего противника. Сырцов стоял перед ним напыжившись, с красным лицом и горящими глазами, все еще сжимая в руках обломок метлы. Его усы распушились, бакенбарды стояли торчком, всем своим видом он походил сейчас на взъерошенного драчливого кота. Он был едва ли не на голову ниже здоровяка городского, но кряжист, мощь же его кулаков последний уже имел случай оценить.

– Не он то! Христом Богом, Илья Спиридонович, жилец то наш! – с надрывом стонал дворник.

– Жилец, говоришь... А почему я знаю, может, это... твой сообщник?

– Христом Богом, Илья Спиридонович! За что такое недоверие оказываете, всегда верой-правдой!

Городовой между тем стоял теперь, тяжело дыша, перед генералом. Как не был разум его в эту минуту затуманен праведным гневом, он все же при ближайшем рассмотрении своего противника смекнул, что перед ним отнюдь не простолюдин, каких много в окрестностях Сухаревки, а личность, надо полагать, метившая в среду благородную. За простоватой одеждой можно было разглядеть отставного военного, может быть, даже старшего офицера. Помедлив, городской спрятал револьвер, оставив, впрочем, руку на кобуре.

– Это на лбу у него... э-э... не написано. Жильцы тоже разные бывают... А тут преступление, во-он мертвое тело лежит. Понимать надо...

– Вот ты и понимай! И нечего не спрося за руки хватать! – подал реплику генерал. – Хм! Увижу Петрова – расскажу про твои геройства.

– Какого такого Петрова? Знать не знаю никакого Петрова! А налицо – помеха дознанию и нападение на городского!

– Ага, Илья Спиридонович, на лицо... Вона как распухло! – залебезил дворник, волею случая оказавшись между двух огней.

– Что-о! Ты еще тут!

– Что же ты своего начальства не знаешь?

Городовой уже несколько поостыл и, сознавая, что дал маху, не знал теперь, как восстановить свой рухнувший в прямом и переносном смысле авторитет. Прежде всего он собрался выяснить, кто же стоит перед ним, но незнакомец опередил его вопрос.

– Сидор Терентьевич Сырцов, генерал-майор! – отчеканил с вызовом генерал, небрежно отбросив свое оружие в угол.

Этот миролюбивый жест и, более того, произнесенное звание «генерал» – не остались без внимания. Рука городского, помимо его воли, повинувшись выработанному служебному инстинкту, отпустила кобуру и вытянулась по шву, вынуждая и вторую проделать ту же операцию. Это движение, хорошо знакомое по армии, не укрылось от Сырцова. Он усмехнулся и кивнул в сторону дворника:

– Вот, он знает.

– Так и я про то же... Господин Сырцов они... то как же... Ошибочка, значит, вышла... Баба, она ведь известно... дура она у меня... Вы уж того...

– Ах, мать твою!.. – бормотнул городской еще раз и после такого самовыражения посчитал, что лучшим выходом из щекотливого положения будет приступить к своим уставным обязанностям.

– Та-ак, значит! Перво-наперво, надо в участок дать знать. А я покуда произведу дознание!

– Шас сбегая, Илья Спиридонович, – немедленно отозвался дворник. – Ну дак я побег?

– Цыц! Сказано, буду дознание производить! А ты, Илья, свидетель и вообще – личность мне подозрительная.

– Почто же вы меня, Илья Спиридонович, личностью обзываете? Всегда верой-правдой... – опять завел шарманку дворник.

– Давай я схожу – подал голос генерал, с интересом и не без злорадства наблюдавший эту сцену.

– А... посторонним находиться тут не положено, – стараясь не глядеть в генералову стору, буркнул городской. – Не положено!

– Ну и дурак!

Городовой аж передернулся, но сдержал свой праведный гнев и только упрямо повторил:

– Не положено!

– Пускай она сбегает! – принял наконец он соломоново решение, кивнув в сторону всхлипывающей дворничихи. – Все одно толку от нее никакого.

– Ну и черт с вами! Если понадобится, ты знаешь, где меня найти, – сказал свое последнее слово Сидор Терентьевич, демонстративно обращаясь не к городскому, а к дворнику, и представил возможность всему обществу в дворницкой узреть удаляющийся генеральский тыл.

В гробовом молчании Сидор Терентьевич беспрепятственно вышел, затворил за собой дверь и направился через узенький дворик в свои апартаменты.

– Та-ак! Значит, имеется мертвое тело... И чье же оно? – громко трубил городской.

– Ей-богу, не знаю, Илья Спиридонович, – вторил ему фальцетом одуревший дворник.

Генерал сплюнул и стал подниматься по темной лестнице.

В скобках же заметим: врал дворник! Хоть и без злого умысла, должно быть, но врал. Забегая вперед, скажем, что в покойнике был вскоре признан некий Скворцов – коллежский советник, занимавший немаловажный пост в Сысской полиции. Фигура в окрестностях Сухаревки знаменитая. Его таинственная гибель произвела изрядный переполох в компетентных инстанциях и имела, как мы вскоре увидим, далеко идущие последствия для нашего героя. Пока же фигурально оплеванные им, когда он в девственном неведении, но уязвленный в лучших своих чувствах, поднимался по скрипучим деревянным ступеням в свою неприятельскую обитель.

Одна ступенька – замененная после ремонта – была повыше других. И генерал споткнулся, невольно сбившись с ритма. Он чертыхнулся и вдруг услышал, как скрипнула ветхая лестница у него над головой. Будто кто-то, стараясь попадать в такт его шагам, осторожно поднимался по лестнице этажом выше и теперь тоже остановился, затаившись. Чтобы проверить себя, Сидор Терентьевич, сделав несколько шагов, внезапно остановился. И снова услышал сверху предательский скрип ступени.

– Что за наваждение! – выразил про себя генерал нахлынувшее неприятное чувство. Его превосходительство был отнюдь не робкого десятка, и поэтому он рывком преодолел два последних лестничных пролета. На площадке никого не было, но генеральское око, обостренное возможной опасностью, сразу отметило более густую черноту напротив его комнаты. Там находилась дверь на маленький чердак и теперь она была приоткрыта. «А ведь там есть люк на крышу», – отметил он машинально. И, подтверждая его мысль, слева бухнуло кровельное железо.

Не задерживаясь, генерал распахнул дверь на чердак и действительно разглядел темный силуэт человека, полускрытый в слуховом окошке.

– Стой! – закричал Сидор Терентьевич, бросаясь к нему.

Преследуемый сделал отчаянный рывок на крышу, но поскользнулся и с грохотом свалился обратно на чердак. Генерал ухватил его за ворот, рванул к выходу и, после короткой, но отчаянной схватки, оба они вывалились на лестничную площадку. Тут силы противника Сидора Терентьевича, похоже, совершенно иссякли, и он как мешок осел в руках у генерала. Сидор Терентьевич сделал движение, чтобы подхватить его, но почувствовал на своей руке что-то теплое и липкое. Он оставил неизвестного и поднес руки к лицу.

«Похоже на кровь! Фу, черт! – неприятно поразило его такое открытие. – Однако надо что-то делать – помрет еще...» Подумав так, наш герой на ощупь вставил ключ в скважину, открыл дверь своей комнаты и, постояв с минуту на пороге, чтобы отдышаться, осторожно, впотьмах, стал пробираться к едва заметному впереди окошку.

Слева от входа, как раз у двери, он знал, стоял неизвестно кем и когда поставленный огромный кованный сундук, наподобие тех сундуков, которые имеют привычку ставить у себя околоточные надзиратели, силою инструкции обязанные хранить в нем всю свою казенную часть. Каждый раз, проходя мимо него впотьмах, Сидор Терентьевич непременно налетал на него с равной долей вероятности то левой ногой, то обеими сразу, смотря по тому, какие и в какой пропорции напитки он употреблял накануне. Это вошло у него постепенно в привычку, и если случалось ему изредка обойти счастливо препятствие, он стал рассматривать это как дурное предзнаменование, сулящее ему в недалеком будущем какую-нибудь пакость.

Теперь же, когда недавние бурные события выбили из него весь хмель, он довольно удачно миновал столь милое ему препятствие и благополучно достиг цели – стола у окна, где он, пошарив рукой, отыскал лампу и, бранясь вполголоса, зажег огонь.

Тусклый свет керосинки осветил московские апартаменты генерала Сырцова, включающие, кроме стола и знаменитого сундука, еще кровать под лоскутным одеялом, старый шкаф, пару старых венских стульев и бюро красного дерева, за ненадобностью задвинутое в угол, рядом с сундуком.

Сидор Терентьевич выдвинул побольше фитиль и поднес ладонь поближе к огню.

– Так и есть, кровь! – произнес он вслух, взглядевшись. Он достал из кармана платок и принялся старательно оттирать ладонь. Только поднеся ее снова к огню и убедившись, что вытер ее достаточно основательно, он швырнул платок к стене и, взяв лампу, вернулся обратно к двери. «Ну вот, сейчас посмотрим, кто еще тут такой ночью по крышам сигать вздумал», – удовлетворенно произнес он про себя и осветил пространство перед входом.

Однако ни на полу перед комнатой, ни на лестничной площадке никого не было. Это было тем более непонятным, что за время своего хождения по комнате Сидор Терентьевич не слышал ни единого постороннего звука.

– Сбежал, негодяй! – скорее простонал досадливо Сырцов, выбегая на площадку. Вход на чердак был открыт по-прежнему и Сидор Терентьевич кинулся прежде всего к нему. На полдороге он, однако, остановился, обернулся, секунду раздумывал, потом вернулся, запер дверь на ключ и, бросив его в карман, направился на чердак.

Только очутившись у самого оконца чердака, он вдруг запоздало осознал, что незнакомец не мог уйти по крыше. Он сразу услышал бы буханье железа.

Рассудив таким образом, он вернулся на лестничную площадку и у самого выхода с чердака ногой напощал какой-то предмет, мягко выкатившийся к его ноге. Подойдя и осветив его лампой, Сырцов обнаружил серую фланелевую фуражку с синим околышем, какие носят обыкновенно учащиеся университетов.

– А, так вот это кто был! – протянул Сырцов, поднимая фуражку, оброненную неизвестным злоумышленником, видимо, в момент схватки. – Ясно, Гаудеамус! Прохвост!

Генерал Сырцов не любил студентов и цыган, считая и тех, и других никчемными, бездельными людишками, способными только распевать песни и зачинать всяческие беспорядки. Недавние события только упрочили такую его убежденность.

Бранясь так вслух, он повернул машинально ключ в замке, вошел в свою комнату, плюнул зло и задвинул щеколду. Поставив лампу на стол, Сидор Терентьевич присел на кровать и устало вздохнул. «Ну и вечерок выдался... Хотя какой там вечерок – ночь на дворе. Спать, непременно спать!»

Конечно же, принимая во внимание труп в дворницкой, о странном незнакомце следовало дать знать представителю власти, и Сидор Терентьевич при других обстоятельствах верно так бы и поступил, но...

От всех этих треволнений Сырцову вдруг нестерпимо захотелось выпить. Желание было столь сильным, что ноги сами понесли его к столу. Отодвинув в сторону стул, он достал из-под кровати непочатый еще полуштоф водки, крякнул удовлетворенно и, пододвинув к себе стоящий на столе лафитник, плеснул в него водки до краев. Вздохнув и перекрестившись, он поднес лафитник ко рту... да так и застыл с открытым ртом, ошарашенный открывшейся ему картиной...

Дабы не возбудить у читателей неверных представлений о генерале, повторим: он не был трусом. Он храбро встречал опасность, когда она приходила предвиденная, но когда вот так... Да и любому на его месте храбрецу простительно было бы проявить некоторую слабость характера и вздрогнуть от неожиданности. А картина, которая ему представилась, и впрямь была жутковатая. Из того угла у двери, что пряталась за сундуком, на него в упор смотрели два немигающих, светящихся каким-то дьявольским светом глаза!

Сидор Терентьевич проглотил слюну и выронил лафитник. Тот упал на пол с глухим стуком и покатился, громяхая и поливая водкой половицы.

– Что за черт! – пробормотал Сырцов.

В ответ из угла раздался смех. Глаза исчезли, и вместо них перед генералом предстала долговязая фигура в форменном студенческом пиджаке.

– Это я черт? Я – черт, как и вы – генерал.

Сырцов, растерявшись было при виде субъекта, неизвестно откуда взявшегося, быстро пришел в себя. Глаза его заблестели, мышцы напряглись. Все предвещало грозу и не слабую, так как, ко всему прочему, Сидор Терентьевич сразу определил, что перед ним студент, и не просто студент, а черноволосый, черноглазый... Конечно, возможно, что плохое освещение усиливало контраст, но Сидор Терентьевич сразу решил для себя – цыган!

Раздосадованный, что он испугался какого-то черномазого прощелыгу и, к тому же, судя по костюму, студента, генерал вскочил с места и, сжав кулаки, шагнул по направлению к непрошеному гостю.

Тот, вовремя заметив маневр Сырцова, перестал смеяться, отскочил снова в угол под защиту сундука и произнес то ли примирительно, то ли предостерегающе:

– Но, но! Только не так рьяно! Я вам ничего плохого не сделал. Давайте по-мирному.

Сидор Терентьевич остановился посреди комнаты со сжатыми кулаками и грозно сведенными бровями. Странно, но ему вдруг совершенно расхотелось и буянить, и ругаться. Словно этот голос как-то внутренне успокоил его, или просто сегодня в отношении всяческих буйств он был уже пресыщен. Да и спать хотелось немилосердно.

– Ты кто такой? – произнес Сырцов, стараясь придать своему голосу большую суровость.

– Я? – незнакомец вновь появился на свет. – Странный вопрос! Человек!

– Смотри-ка! А чего это ты, человек, делаешь тут среди ночи, да еще с такой черной рожей?

Незнакомец пожал плечами и усмехнулся.

– Ты не ухмыляйся и отвечай без всяких экивоков. Я этого не люблю.

- А чего отвечать-то, коли вы сразу к роже моей привязались.
- Ишь ты, обиделся! А бежал от меня зачем?
- И не думал вовсе. Чего мне бежать? Я спокойно вошел.
- Ну да? И на крыше ты не сидел, и я тебя оттуда не стаскивал?.. Здоров ты врать!
- А сами вы тоже...
- Чего тоже...
- Да слышал я. Городовому наплели, что вы генерал.
- А я и есть генерал... А ты откуда про то знаешь?
- Так шел мимо и слышал.

Собеседник Сырцова осмелел и, видя, что Сидор Терентьевич не так уж грозно ведет себя, подошел к нему ближе и стоял, ссутулившись по-мальчишески, скрестив руки на груди.

- Мимо шел? Ко мне в гости?.. – А где фуражка твоя? – перебил тут сам себя генерал.
- Фуражка? – его собеседник дотронулся до головы и снова пожал плечами. – Потерял,

верно.

- А где?
- Чего вы пристали-то? Вы что, судебный следователь?
- А я вот сейчас сведу тебя к городовому, там ты со следователем быстро познакомишься! – генерал отошел к столу и сел на стул. – Иди, садись и отвечай все как есть.
- А чего это я такого сделал? – он подошел к столу и присел на соседний стул, как-то бережно держа руку перед собой.

Сидор Терентьевич вспомнил о крови у себя на ладони.

- А что у тебя с рукой?
- Зашиб, когда с крыши то... – поняв, видимо, что проговорился, он махнул досадливо здоровой рукой.
- Значит, с крыши таки... Так-так!

Довольный, что так ловко вывел на чистую воду этого шельмеца, Сидор Терентьевич откинулся на спинку стула, пошарил у себя по карманам, извлек трубку, ключ, кисет, убедился, что тот пуст и медленно протянул руку к лежащему на столе портсигару.

– Странно! Что-то нечисто здесь. И городовой, и этот в дворницкой валяется, и ты тут плетешь что-то...

Какая-то неясная, тревожная мысль крутилась у него в голове...

- Так, ты давай, давай, рассказывай. Чего ты на крыше-то делал?
- Разрешите закурить? – незнакомец протянул руку к портсигару.
- Кури, кури... – рассеянно кивнул ему генерал и вдруг понял, какая мысль не давала ему покоя. Он резко встал, подошел к двери, распахнул ее... Снаружи в замке торчал ключ!

– Та-ак! Я же помню, что сунул ключ в карман... – пробормотал он себе под нос. – А это что?

Генерал быстро вернулся к столу и, сев на стул, вперил в собеседника грозный взгляд.

- Ты чем дверь отпер? – помолчав, вкрадчиво спросил он студента.
- Ключом, конечно, – ответил тот, несколько не смутившись.
- А ключ у тебя откуда?
- Так, надо думать, оттуда, откуда и у вас. Живу я здесь...
- Где это – здесь?

– Да здесь, снимаю квартиру эту. Уговорил хозяина – все равно целый год пустует. Вот он и вошел в мое неблестящее финансовое положение – сдал за полцены. Опять же и ему прямая выгода... Ну а как вы приезжаете, так я, как было уговорено, скоренько испаряюсь и несколько времени ночью по друзьям... Вас-то, видно, позже ждали...

- Постой, постой! Я уже два дня как приехал, а тебя не видел.
- Да не был я тут. У товарища был, занимался...

– Ах, так ты студент? – Сидор Терентьевич был доволен своей проницательностью.

– Как водится. А что же хозяин-то, не предупредил вас?

– Да не видел я его... А хозяйка ничего не говорила... Впрочем, не важно это. Ты мне скажи все-таки, что ты на крыше делал?

– Забыла, верно, или побоялась вам сказать, с вами-то давно было про квартиру условлено... – словно не слыша вопроса, произнес студент. – Вот ведь народ...

– Ты мне это, студент, брось, – генерал снова стал сердиться. – Я тут с тобой сижу, когда спать давно пора, а ты мне лясы точишь, а в дворницкой-то... Так что не паясничай и отвечай все сей час толком.

– Да, а с тем, в дворницкой, действительно, дело темное...

– Я тебя не про дворницкую... Постой, постой! А ты что же, видел?

– Видел. Но говорить про это, да и про крышу, сложновато будет.

– Кому сложновато?

– Да мне, конечно, горемычному... Вот вы человек интеллигентный, конечно, понимаете, что если около трупы стоит некто с ножом – может, не он убил, а напротив, вынул нож из раны...

– Ты чего плетешь? Какой нож? Нет, видимо, надо тебя вниз свести – пусть с тобой другие разбираются!

– А вот вниз-то мне никак нельзя. Потому как на полицию вышеприведенное рассуждение... как от стенки горох! Влип я здорово, одним словом. Но при этом невиновен, как неродившийся младенец. Только на вас и уповаю! – сокрушенно разведя руками, вздохнул студент.

– Ты не паясничай! Коли вниз не хочешь, выкладывай как на духу.

– Да, видно, придется вам довериться, другого выхода у меня нет...

Он полез в карман и вместе с жеваным, несвежим носовым платком извлек из него какой-то черный шнурок.

– Вот, извольте видеть, – студент поднес шнурок к самому лицу Сырцова.

– Это еще что? – генерал непонимающе осмотрел шнурок, оканчивающийся на конце большой петлей.

– А это называется удавка. И все дело в том, что как раз этим инструментом был умерщвлен тот, в дворницкой...

– Что-о!

Генерал машинально взял удавку и уставился на нее, переваривая услышанное. Но сей процесс был внезапно прерван самым неподобающим образом: воспользовавшись минутным замешательством нашего героя, студент вдруг прыгнул через всю комнату к двери. И прежде чем генерал успел вскочить со стула, раздался скрежет ключа, поворачиваемого в замке. Генерал подскочил к двери и толкнул ее плечом, но та только спружинила и осталась на своем месте. Сидора Терентьевича заперли!

Невозможно описать праведный гнев его превосходительства – мы и пытаться не будем! Когда же не слишком, впрочем, мощная дверь была высажена ударом генеральского плеча, на лестничной площадке и на чердаке, естественно, никого не оказалось.

Тем не менее генерал добросовестно обследовал и чердак, и лестницу. Внизу стоял, привлеченный шумом, городской. И Сырцов совсем уже было собрался рассказать о своем госте, но подумав вдруг, как он будет выглядеть во всей этой истории, вспомнив еще и о своей стычке, передумал и на вопрос блюстителя порядка о причине шума только буркнул что-то невразумительное и стал подниматься к себе.

Перед самой дверью он снова споткнулся, оперся рукой о ступень и заметил в длинной полоске света, протянувшейся от разбитой двери, что вся лестница густо усыпана кровяными каплями.

Однако в эту ночь уже случилось столько всего, что генерал не стал размышлять о новой загадке, а войдя в комнату, быстро налил себе лафитник водки, залпом выпил его, не раздеваясь, повалился на кровать и провалился в сон.

Глава 3. Убийство в Стрелецком переулке

В то время как происходили вышеописанные интересные события, внизу, в дворницкой, успели побывать многие новые действующие лица нашей правдивой истории.

Прежде всего, явился в сопровождении дворниковой бабы старший помощник пристава второго участка Сретенской части Павел Степанович Храпунов – человек еще далеко не старый, склонный к полноте, с темным одутловатым лицом.

Поднятый среди ночи звонком дежурного надзирателя, он был не в лучшем расположении духа еще и оттого, что дежурный не мог ему толково и вразумительно объяснить суть происходящего. Он только понял, что совершено убийство и за ним уже выслана карета.

Виной же всему была глупая баба, посланная городовым в участок и поднявшая там невообразимый переполох своими дикими причитаниями о каком-то страшном «убивце в образе сатанинском», нагрянувшем к ним в дворницкую. Порешившем какого-то бедолагу и чуть было не загубившем и их с мужем.

С превеликим трудом дежурному удалось выяснить адрес и кое-как успокоить. Позволив Храпунову, он, видимо, одурманенный бабьими воплями, вызвал еще и самого пристава, перестаравшись тем самым не в меру. Поскольку в участке домашние телефоны были только у пристава и у его помощника, этим он вынужден был и ограничиться.

Раздосадованный Храпунов по прибытии в дворницкую, лишь мельком взглянув на потерпевшего, утешил себя тем, что приказал немедленно доставить ему тюремного врача или любого, коего можно будет найти в этот час.

Городовой, стоявший все время навтыжку перед начальством, со всех ног бросился исполнять приказание, забыв даже о положенном ему в таких случаях рапорте. Храпунова в участке уважали, но и побаивались. Только после этого Храпунов подошел к лежавшему и заглянул сбоку ему в лицо. Он узнал его с первого взгляда и, узнав, даже присвистнул от неожиданности.

– Вот так история! Да это ж сам господин Скворцов! Дела-а!

Коллежского советника Скворцова – своего коллегу из Сыскной полиции – он знал уже порядком. Не то что знал близко – так, встречались несколько раз по долгу службы и пару раз – вне ее, но приходилось слышать о нем. И из уст начальства, любившего при случае поставить его в пример полицейским как ревностного исполнителя должностных обязанностей, и из разглагольствований какого-нибудь прожженного жигана или сухаревской потаскухи, загремевших «под шары» к Храпунову. Последние, не в пример первым, кляли «проклятого фараона» Скворцова на все лады, что почиталось в управлении не менее похвалы начальства.

Храпунов, который чувствовал себя давно уже обиженным и обойденным по службе, частенько завидовал Скворцову и в глубине души своей был уверен, что ему – Храпунову – по его достоинствам следовало бы пользоваться славой большей, чем этому сыщику. А слава у Скворцова была большая. Все сухаревское дно его знало.

Увидев сейчас его здесь – в дворницкой – мертвого, Храпунов поначалу даже опешил, столь неожиданно и неправдоподобно все это ему показалось. Потом в нем шевельнулось на мгновение гаденькое чувство злорадства, быстро, однако, пропавшее. И только после этого с него словно сошла какая-то дурманящая, сонная пелена – он осознал до конца всю серьезность происходящего. «А дело-то нешуточное. Черт возьми! Тут пахнет большим скандалом», – подумал он, потирая себе шею и впадая в задумчивость, из которой его вывел басовитый голос городского, доложившего о доставке врача.

Старший помощник пристава встрепенулся, и сердито зыркнув глазами на полицейского, тут же снова уснул его – на этот раз немедленно привести сюда хозяина дома и хоть из-под

земли найти понятых, после чего – отправляться за судебным следователем. Затем надо было доложить в сыскное управление... «Да, закрутится колесо!»

В сентябре, когда до восхода солнца еще добрых три часа без малого и обыватели спят вовсю в своих постелях, найти понятых дело нештучное, и городской отправился исполнять приказание вовсе не в лучшем настроении.

Еще в более мрачном, чем все настроения прибыл врач – Вельский. Он жил неподалеку отсюда – у Сретенских ворот – и был обязан своему здесь появлению исключительно лености городского и своему знакомству с последним, который дабы не искать и не бегать долго зря, сразу направился к нему и вызвал именем закона на место происшествия. Его выудили прямо из-за карточного стола, за которым он уже несколько часов резался в преферанс с двумя знакомыми провизорами. Как назло, именно в это время ему особенно удачно шла карта.

По примеру Храпунова, он начал с того, что также отыгрался, позвонив из дома в ближайшую больницу и вызвав карету с санитарями, хотя сиюминутной надобности в ней не было никакой уже потому, что инструкция запрещала трогать тело до прибытия следователя или товарища прокурора.

Санитары расположились у входа в дворницкую у незакрытой (к вящему удовольствию дворниковой бабы) двери, курили, флегматично наблюдая, как Вельский возится около трупа, осматривая его, брезгливо при этом морщась.

Храпунов, постояв некоторое время рядом, пошел осматривать помещение. Он несколько раз обошел его кругом, не обнаружив ничего подозрительного. Всякий раз проходя мимо дворника, сидевшего на лавке у печи вместе со своей женой, он бросал на последнего подозрительные взгляды, отчего тот вздрагивал, ежился и хватал супругу за руку.

Примерно через час появился пристав – Леонтий Евсеевич Благовещенский. Почти одновременно с ним прибыл знакомый нам городской с двумя заспанными мужиками. Их всклокоченные волосы на голове и в бородах, красные невыспавшиеся глаза говорили все о том же недовольстве, которое владело и Храпуновым, и Вельским, да, надо думать, и самим приставом. Всю дорогу мужики ворчали вслух, выражая в крепких словах свое недовольство городскому по поводу насильственного подъема в столь неурочный час. Увидев, однако, все полицейское местное начальство, они, казалось, немного проснулись, умолкли, и только отчаянно зевали. При взгляде на лежащего, они перекрестились, вслух помянув Господа, но зевать не перестали, только как-то виновато стали прикрывать рты ладонями.

Обнаружив, что к Храпунову за время его отсутствия присоединился еще и сам пристав, городской преобразился еще более и тянулся в струнку из последних сил.

Вскинув руку к козырьку фуражки, он несколько сбивчиво, но вполне обстоятельно доложил, что хозяина дома – мещанина Киселева – на месте не оказалось. Хозяйка его выйти не пожелала, говоря, что страсть как боится покойников, и приказала взять в качестве понятых двух постояльцев, что только сегодня въехали; приказала также передать, что если понадобится, то книга домовая у нее, и представит ее неукоснительно, по первому требованию, но чтобы ее трогать – ни-ни! Судебного следователя уже вызвали, и он с минуты на минуту будет здесь...

Пока он докладывал, Храпунов, слушая его вполуха, шептал что-то приставу, указывая на труп.

– Ну да? – покачивал в ответ головой пристав, разглядывая его и хмурия брови. – Неужто? Да нет, не думаю. Славнюк месяцев шесть как в остроге...

Он подошел вплотную к трупу, обошел его кругом и в течение нескольких минут разглядывал его с пристрастием. Вельский, закончив к этому времени осмотр, стоял у окошка и равнодушно ждал, когда к нему обратятся за разъяснением. Но Благовещенский не торопился.

– А ну, расскажи-ка нам, Власов, – произнес он, удостоив наконец вниманием городского, – расскажи-ка нам, дружок, долго ли мы еще с уважаемым Павлом Степановичем будем ждать твоего доклада обо всем этом?

Городовой растерянно посмотрел на него, потом перевел взгляд на Храпунова.

– Так ведь, ваш скородь, я по приказу господина...

– Докладывать будешь? – сердито перебил его пристав.

– Так точно, ваш скородь.

– Ну, давай, не тяни.

– Значит, дело было так, ваш скородь...

Городовой доложил все, что произошло с того момента, как его пригласил дворник, и до появления Храпунова. Единственное, что он опустил, был эпизод схватки с генералом Сырцовым, фамилию которого он решил вовсе не называть, опасаясь срама и разноса от начальства. Он только все время поглядывал на дворника, боясь, как бы тот не проговорился, и делал ему исподтишка красноречивые жесты сжатым кулаком.

Тот между тем не проявлял, казалось, никакого интереса к рассказу городского, думая только о том, что сам будет говорить. Он ждал, что его очередь будет следующей.

Но пристав, выслушав своего подначальственного, кажется, потерял всякий интерес не только к дворнику, но и вообще ко всему. Он устало опустился на колченогий стул, заскрипевший под тяжестью его дородного тела, зажав шашку между колен, и замолчал, то ли погрузившись в размышления, то ли в сон.

Ждали судебного следователя. Только Храпунов отлучился на некоторое время. Вернувшись, он пошептался с приставом и отошел к окну, где Вельский терпеливо ждал, когда отпадет в нем надобность, и он сможет наконец пойти домой.

Следователь Артемьев явился уже под утро, когда забрезжил рассвет, а сонные понятия, заодно с санитарями, утомленные долгим ожиданием, начали вслух выражать свое недовольство, подвергая критике действия полиции.

Худощавый, очень подвижный брюнет с лицом, напоминающим Людовика XIV, Артемьев не вошел, а, казалось, влетел в помещение, словно на крыльях. Он, в отличие от всей собравшейся здесь компании, был в приподнятом и, казалось, даже бравурном настроении. Своим появлением он сразу оживил место действия и привнес с собой в дворницкую разряд свежести и чистого воздуха. Он был в гражданском платье, накинутой на плечи шинели и форменной фуражке. Следом за ним в комнату осторожно проскользнул его письмоводитель Сыськов – маленький, невзрачный человечек в помятом чиновничьем мундире.

Заметив прежде всего распростертое у его ног тело, он взглянул на него и произнес с некоторым театральным апломбом:

– Ну-те-с, ну-те-с! Что мы тут имеем?

Бегло оглядев его, он поправил пенсне и поднял глаза на пристава.

– Наше вам почтение, Леонтий Евсеевич. Стало быть, снова с вами-с! Давненько, давненько не виделись.

– Где уж! – хмуро отозвался пристав. – Не далее как на днях миловались.

– Оно конечно-с. Специфика службы... Кстати, по этому поводу отменный анекдот-с...

Нимало не смущаясь обстановкой в дворницкой, наличием стольких людей и мертвого тела впридачу, он живо рассказал анекдот приставу и только после этого подошел к столу в глубине комнаты, скинул шинель, водрузился на стул и посмотрел на всех хитрым взглядом. Письмоводитель, поискав глазами и не обнаружив больше стульев, примостился рядом на топчане и принялся раскладывать на столе бумагу и письменные принадлежности, которые доставал из небольшого чемоданчика.

– Ну-с, начнем. Подозреваемые имеются? Нет? Значит, нет, – он пощипал себя за бородку-эспаньолку. – А знаете, господа, ведь я раньше где-то видел потерпевшего...

– Весьма возможно, – мрачно усмехнулся пристав. – Он наклонился к Артемьеву и что-то сказал ему вполголоса.

– Вот как! Ну что ж, приступим к дознанию по всей форме. Кто обнаружил труп?

– Вот он, – Храпунов, не оборачиваясь, ткнул пальцем в дворника, – дворник местный.

– Стало быть, его первого и послушаем, но прежде всего заключение врача.

Вельский облегченно вздохнул, почувствовав, что приходит конец его мучениям. Он отошел от окна и приблизился к следователю.

– Мы, кажется, не знакомы?

– С полицией дела иметь не приходилось.

– Это отрадно-с. Ваша фамилия и звание?

– Вельский. Альберт Христианович. Хирург-практик, хотя в настоящее время, в силу обстоятельств, не у дел... Временно...

– Хирург? Очень мило-с. Тогда вам и карты в руки. Знаете, недавно один умник с первого участка... Леонтий Евсеевич, вы его знаете. Помните, что заснул на дежурстве... дворник...

– Уткин. Осип Уткин.

– Вот-вот. Так этот Уткин мне как-то привел врача. Представьте – лежит труп, весь в крови, хотя ран на теле видимых глазом не обнаруживается. Я прошу привести врача, наш-то тюремный прихворнул тогда... и что же вы думаете, этот самый Уткин привел мне... как вы думаете, кого?... Дантиста.

Артемьев раскатиисто захохотал, чем поверг в трепет врача и заставил съездившегося дворника отодвинуться подальше за спину Храпунова.

– Да-с... так прошу вас адрес, Альберт Христианович.

– Живу у Сретенских ворот. Дом Теперковец.

– Чудесно-с. Так что вы нам скажете относительно потерпевшего?

– По внешним признакам, смерть наступила три – четыре часа назад, на это указывает общий характер окоченения... Видимых повреждений тела не обнаруживается, за исключением шеи... Налицо признаки удушения... я бы сказал – явные признаки...

– Насильственной смерти, хотите вы сказать? – дернул бородкой Артемьев.

– Не могу этого утверждать. Убит он или нет, это вам решать... Однако извольте взглянуть...

Вельский подошел к лежащему и обнажил ему шею, так, что стал виден опоясывающий ее глубокий темный рубец.

Артемьев вышел из-за стола и наклонился над трупом, то же проделали и полицейские.

– Я бы сказал, что это тонкая бечевка или проволока... Обратите внимание: вздутие вен, выражение лица, общая деформация лицевых мышц – все это очень характерно для подобных случаев. Вам это должно быть знакомо. Других повреждений я не заметил. Впрочем, после вскрытия можно будет сказать более определенно... Ну, что еще? Справа выше рубца свежая царапина... А на правой руке сорван ноготь... Знаете, я бы предположил, что произошло все неожиданно, удавку накинута сзади, а он пытался ее ослабить... Впрочем, это вам решать... – Вельский пожал плечами.

– Так-так... что ж, весьма вероятно, – Артемьев поднялся и задумчиво провел пальцами по бородке. – А нашли его у ворот... Леонтий Евсеевич, как у нас с орудием преступления? – он вопросительно посмотрел на пристава. Тот отрицательно покачал головой.

– Так, а подобрали его у ворот... Не нашли там ничего примечательного?

Пристав вздохнул и в свою очередь обернулся к Храпунову.

– Собственно, мы еще не имели возможности все хорошо осмотреть. Темень здесь – хоть глаз выколи, но вот что мне удалось пока обнаружить на мостовой.

Храпунов разжал ладонь и протянул следователю револьверную гильзу.

– Любопытно, – Артемьев осторожно взял ее двумя пальцами, повертел, поднес поближе к свету, внимательно рассмотрел, понюхал и, удовлетворенно хмыкнув, передал письмоводителю. – Фрол Саввич, прошу вас, спрячьте. Это важно.

Он прошелся по комнате, покачался на носках и вдруг, обернувшись к дворнику, выстрелил вопросом:

– Ворота заперты были?

Тот вздрогнул и, недоуменно разинув рот, тупо уставился на следователя.

– Ну, что же вы, милейший, молчите? Ворота, спрашиваю, были заперты?

– Ворота?

– Ну да, ворота, – Артемьев снова водрузился за стол и ободряюще улыбнулся дворнику. –

На ночь ворота запираются, верно?

Дворник привстал, но продолжал молчать, бегая глазами по сторонам. Храпунов, стоящий рядом с ним, протянул руку и встряхнул дворника за ворот.

– Язык проглотил? Отвечай, когда спрашивают!

– Так это... Как положено, Павел Степанович, завсегда, стало быть, как вечор, так ворота – на запор, – забормотал дворник. Потом, словно очнувшись, зачистил:

– Я думал, пьяный он, потом гляжу – как есть мертвый...

– Так ворота ты отпер? – продолжал расспросы следователь.

– А то как же, я и отпер. Он же на мостовой лежал. Я, значит, вышел, наклонился к нему... ну, думаю, пьяный. А потом гляжу – он как есть мертвый...

– Это я уже слышал. Дальше что было?

– Так что, я дальше нагнулся и вижу... ну то есть не вижу – темно вокруг, а чудится, будто кто-то там есть, чернеется будто...

– Где чернеется?

– Так это, подле, вот как вы изволите сидеть...

– Справа, в трех аршинах... значит, на улице?

– Нет, не на улице, а позади!

– Во дворе?

– Стало быть, во дворе. Я было к двери... ну, пошел было к двери-то, а он как выскочит и побег...

– Постой, постой, кто побег?

– Да уж не знаю, ваше благородие, а только побег.

– Куда?

– Кто ж его знает... Как выскочит и побег.

– Н-да! Ну а ты?

– Я? Как на духу, ваше благородие. Спужался сильно и за ним, значит, побег... Засвистел и побег... а тут они как раз идут, – дворник указал на городского.

На некоторое время в дворницкой воцарилось тяжелое молчание. Все переваривали услышанное.

– Кхм! – кашлянул пристав. – Что-то я не пойму. Раз ты побежал за предполагаемым убийцей, то кто тело в дворницкую перенес?

– Я и перенес, ваше благородие. Думал, пьяный, а оно вона как. По виду-то, гляжу, господин...

– Когда же ты успел? Ты говоришь, что погнался за ним сразу как обнаружил труп. И встретил городского Власова. Затем вы вместе пришли в дворницкую, где уже находился покойник. Городовой же никого кроме тебя на улице не видел.

– Так это, значит, он вначале побег, убивец-то, а я уж – за ним. Ворота отпер и побег.

Пристав переглянулся с Храпуновым. Тот пожал плечами.

Артемьев улыбнулся, снял пенсне и принялся протирать платком стекла.

– Что ж, недурно, недурно! – произнес он, взглянув подслеповато на растерянного дворника. – Значит, говоришь, ворота отпер и... побег?

– Побег, ваше благородие, – дворник непонимающе заморгал глазами.

– Превосходно! – Артемьев водрузил пенсне на нос и поднялся из-за стола. – Вот что, Леонтий Евсеевич, пойдете-ка к воротам и там на месте разберемся... кто куда «побег». А тело, распорядитесь, пусть забирают.

Он осторожно переступил через лежащего и вышел на улицу. Сыськов и пристав последовали за ним. Храпунов остался с санитарями, в то время как Вельский, подписав заключение, поспешил исчезнуть из дворничьей.

Стало светать. Хотя дождя и не было, воздух был напоен влагой, сырой прохладный ветерок пронизывал до костей, и Артемьев, зябко пожившись, залез в шинель и застегнулся на все пуговицы.

В течение четверти часа он неторопливо прохаживался возле ворот, внимательно разглядывая двор и мостовую перед входом, привлекая к себе внимание ранних прохожих, которых постепенно становилось на улице все больше.

Некоторые останавливались, чтобы полюбопытствовать, что же такое усердно ищет человек в шинели и форменной фуражке, в котором лишь самые проницательные узнали судебного следователя, а остальные не составляли себе труда догадаться по присутствию рядом с ним двух представителей местной власти в лице пристава и его помощника. Ко всему прочему, вид выезжающей из ворот санитарной кареты еще более возбудил их любопытство, так что вскоре перед воротами собралась уже небольшая толпа.

Недовольный пристав рявкнул на нее грозно и тут же послал Храпунова вместе с городовым Власовым немедленно убрать всех посторонних. Это возымело некоторое действие: толпа раздалась и рассыпалась по переулку, однако самые настырные все же остались в отдалении, продолжая наблюдать за действиями полиции, громко обмениваясь впечатлениями.

Артемьев между тем, закончив осмотр, остановился перед полицейскими и подозвал к себе дворника, сидевшего до того вместе с понятыми у двери дворничьей.

– Что ж, господа, давайте попробуем разобраться в том, что нам пытается живописать свидетель. В общем и целом я составил себе некоторое представление. А вас, сударь мой, – посмотрел он в сторону дворника, – прошу молчать и отвечать на мои вопросы только «да» или «нет». Понятно?

– Оно конечно... понятно, ваше благородие, – дворник вытянулся во фронт. Артемьевское «сударь» подействовало на него как ушат холодной воды.

– Итак-с! Услышав подозрительный шум со стороны улицы, наш дворник вышел во двор, подошел к воротам, которые он перед этим запер. Обратите внимание, господа, ворота были именно заперты. Далее он замечает за воротами лежащего человека, отворяет ворота и, подумав, что он пьян или... скажем, находится в бесчувственном состоянии, переносит его в дворничью, предварительно снова заперев ворота. Так?

– Истинно, истинно так!

– Ну вот, пока все идет хорошо. Далее он замечает, что человек этот не подает признаков жизни и... Что далее? – он взглянул на дворника.

– Истинно... мертвые они, а этот-то как...

– Стоп! Слышите, господа? Уже, будучи в дворничьей, а не у ворот, стоя над трупом, он замечает через проем двери... скажем, некое подозрительное движение. Кстати, я проверил, дверь в дворничью, не будучи запертой на засов, не удерживается в затворенном состоянии и самопроизвольно распаивается. Далее надо заметить следующее: наш свидетель, напуганный своим открытием, не пытается, однако, спрятаться за дверь, а геройски, как того от него и требуется, бросается к воротам, отпирает их и – далее на улицу, где и встречает городского Власова. Так я говорю?

– Ваше благородие... дак ведь как же иначе. Согласно, значит, инк-струкции...

– Не всякий по инструкции делает, когда сердце в пятках, – Артемьев дружески похлопал зардевшегося дворника по плечу.

– Принял, верно, для храбрости, вот и расхрабрился, – ухмыльнулся Храпунов. – Илья Гесин у нас личность известная. Что он, что братец его...

Дворник, расплывшийся было от похвалы Артемьева, сразу сник и поспешил отойти в сторону.

Артемьев рассмеялся.

– Теперь далее... – промолвил он сквозь смех. – Обратите внимание, господа, что ворота все время были заперты. Тело лежало за воротами, а не во дворе. – Артемьев помолчал, соображая. – Можно предположить, конечно, что он заметил движение существа не двуногого, а четырех...

– Насчет ворот это еще не известно. Может, он их и не запер, как тащил... – произнес Храпунов, грозно оборачиваясь к дворнику.

– Н-да, это возможно... – следователь в раздумье pokrutil пальцами.

– Здесь много неясного. Что он здесь ночью делал? Почему убили именно перед этим домом?

– Случайность, скорее всего...

– Н-да! Я попробую выяснить, чем он в последнее время занимался... А вы уж, господа, свидетелей поищите, пока не разбежались... Теперь так-с! У нас имеется стреляная гильза...

– Редкая вещь, но, может, она тут год валялась, – снова произнес настроенный скептически Храпунов.

– Не могу с вами согласиться. Гильза новая – блестит... Да и порохом пахнет. Есть еще одно обстоятельство. Смотрите, – Артемьев аккуратно достал из кармана шинели носовой платок и развернул у себя на ладони.

Полицейские увидели промокший коробок спичек и развалившуюся от сырости папиросу.

– Это я у ворот нашел, на улице.

– И что же? – пристав удивленно воззрился на следователя.

– Может, конечно, и ничего, но кто знает... На всякий случай приобщим к делу. Марка папирос, насколько можно разглядеть, та же, что в портсигаре Скворцова. Мне, знаете, показалось странным, что портсигар на месте, а спички отсутствуют...

Пристав недоуменно пожал плечами.

– Но кто же, в таком случае, стрелял? – произнес он уныло.

– Это вы тонко подметили, – не без ехидства ответил Артемьев. – И, главное, в кого стреляли...

Глава 4. Утро туманное...

Но все когда-нибудь заканчивается. Своевременно отошла в прошлое и эта ненастная и такая беспокойная сентябрьская ночь. Наступало сырое и туманное, под стать ночи, утро. Уже в сопровождении санитаров отправился в свой последний путь убиенный Скворцов. Проводив их, укатил и пристав, захватив с собой доктора, которого Леонтий Евсеевич предложил подвезти до квартиры. Как-то незаметно исчез письмоводитель Сыськов. Последним место происшествия покинул любитель пеших прогулок Артемьев – подняв воротник, зашагал по лужам под мелким противным дождиком. Лишь у ворот остались по долгу службы мокнуть городской и демонстрирующий завидное служебное рвение дворник. Да в относительном уюте дворницкой дожидались своего часа еще один городской и Павел Степанович Храпунов. Помощник пристава остался тут за старшего, чтобы вскоре, получив необходимое подкрепление, руководить обходом близлежащих домов и поиском возможных свидетелей. С этим делом надо было спешить, пока проснувшиеся московские обыватели не разбежались по своим делам.

Уже совсем рассвело, когда в дворницкую заглянул околоточный надзиратель и, взяв под козырек, доложил помощнику пристава, что подкрепление прибыло и рвется в бой. Дав необходимые указания своим подчиненным, Храпунов, однако, не пошел с ними. Он рассудил, что теперь уже не слишком рано, чтобы побеспокоить хозяев. Супругов Киселевых – Артема Матвеевича и Пелагею Васильевну, их имена он успел выяснить сначала у дворника, а затем и уточнил у недавно прибывшего околоточного. Павел Степанович хотел сам побеседовать с ними – скорее для порядка, чем из необходимости. Они с очевидностью не имели к событиям этой ночи не малейшего отношения. Однако если теперь, волею случая, их дворницкая временно стала чем-то вроде штаба, следует же, по крайней мере, их поставить в известность?

Домовладение Киселевых представляло собой два стоявших один напротив другого небольших двухэтажных здания с узким двориком между ними. Напротив ворот, вплотную к противоположенному забору, между зданиями располагалась одноэтажная хозяйственная пристройка. А между левым корпусом и воротами – еще одна. Как раз эта пристройка и служила дворницкой.

Хозяева жили в левом здании, за дворницкой. В течение ночи Храпунов ни разу не заметил там в окнах ни малейшего отблеска света. Вообще весь дом, за исключением дворницкой, был погружен во мрак. Все окна были темными и теперь, когда Павел Степанович подошел к входной двери и остановился в нерешительности. Видимо, все еще спали. Досадливо крикнув, Храпунов отправился разыскивать дворника. Дворник Гесин был обнаружен им у ворот на «боевом» посту. Подозвав его и подождав, пока тот с нарочитым усердием запрет ворота, Храпунов в сопровождении дворника вернулся к хозяйской двери.

Дверь была заперта, но справа от нее помощник пристава заметил рычажок дверного колокольчика и, решившись, потянул за него. За дверью неожиданно громко звякнуло, и почти сразу же послышался какой-то шорох и сонный женский голос спросил:

– Кто? Это ты, Илья? Что тебе?

– Это полиция, откройте, пожалуйста!

За дверью наступила тишина.

– Простите мой ранний визит, но мне надо переговорить с Артемом Матвеевичем...

По спешному казенному делу, – добавил Храпунов и ткнул локтем в бок дворнику.

– Пелагея Васильевна, они взаправду из полиции, не пужайтесь, – пискнул тот.

За дверью опять зашуршали, и наконец она приоткрылась на длину дверной цепочки. Помощник пристава заглянул за дверь в образовавшуюся щель, но в темной прихожей никого и ничего разглядеть было невозможно.

– Артема Матвеевича нет, – ответил женский голос.

– А с кем я сейчас говорю?

– Не слышали разве? Киселева я, Пелагея Васильевна!

– Пелагея Васильевна, вы мне не откроете? Неудобно так-то через дверь разговаривать.

– Никак не могу-с! Я не прибрана – только встала... Прислугу свою давеча на крестины отпустила, одна я. Так что никак не могу!

– А Артем Матвеевич, где же?

– А... уехали они, – после некоторой заминки ответствовала хозяйка.

– А куда? Если это не секрет, конечно.

За дверью помолчали.

– Никакого секрета нет. В Тамбовскую губернию, к родственникам нашим... Вчера еще, – уточнила Пелагея Васильевна.

– А когда же они, Пелагея Васильевна, возвратиться собирались, – уже почти с издевкой спросил помощник пристава, – скоро ли?

– Скоро, скоро! – послышалось из-за двери. Дверь захлопнулась.

«Ну и черт с ней! – с досадой подумал Храпунов, направляясь в сопровождении дворника к воротам. – Надо будет, после с ее мужем побеседуем».

Многострадальный городской Власов все еще топтался у ворот, хотя теперь, когда осмотр места преступления был закончен и все действующие лица давно разъехались, смысла в том было мало. «Только зевак зря привлекает», – подумал Павел Степанович и, захватив его с собой, направился на поиски своих подчиненных.

– Павел Степанович! – тут из небольшой группы любопытствующих, неясно различаемой в густом тумане, отделилась коренастая фигура в мокром полупальто с поднятым воротником и неспешно направилась к нему. – Что ты делаешь тут в такую рань?

Приглядевшись, помощник пристава узнал своего давнего приятеля и коллегу из сыскной полиции Сергея Федоровича Рудакова. Указав городскому направлению движения, Павел Степанович взял подошедшего под руку и повлек за собой. Они так и пошли, как бы прогуливаясь, беседуя вполголоса. Теперь было особенно заметно, как они ходят друг на друга. Оба – мощного сложения, оба плавны и неторопливы в движениях, как уверенные в своей силе люди. Храпунов, правда, был на полголовы повыше. Но если он начал уже обрастать порядком жирком, то его собеседник фигуру имел вполне атлетическую. Что, впрочем, было и естественно для московского приверженца «Клуба любителей атлетики», основанного в столице без малого десять лет назад Краевским.

– Ну, тебя я о том же не спрашиваю, ведь не расскажешь? – понизив голос, спросил Храпунов, когда они прошли немного по переулку.

– Эх, да кабы я сам это знал, – шутивно вздохнул тот. – А тут, я гляжу, что-то серьезное случилось?

– Да уж, случилось! Убийство.

– Кого же убили?

– А убили тут, Сережа, некоего Скворцова Андрея Андреевича, тебе хорошо известного.

– Черт возьми! – собеседник Храпунова был ошарашен. Разумеется, он изрядно знал своего коллегу по сыскной полиции. Скворцова он не любил и отношения между ними были довольно натянутыми, однако услышанное подействовало на Рудакова, как ушат холодной воды.

– И как же? – помолчав, тихо спросил он.

– Задушен.

– Что?! – Рудаков резко обернулся к помощнику пристава. – Вот ты давеча спрашивал, чем я тут занимаюсь... – начал он рассказывать после непродолжительного молчания. – Тут, братец мой, вот какая история...

В последнее время в Первопрестольной стали твориться очень нехорошие и престранные дела: в разных районах города с завидной регулярностью стали находить трупы, с очевидностью убитых, москвичей. Вроде бы ничего необычного для такого огромного города, где подобные находки случаются по несколько раз за неделю. Однако необычным было то, что некоторые из них были задушены, у всех таких на шее обнаруживались явственные следы орудия преступления – тонкой удавки. Что уже само по себе было не совсем обычно. Все они лежали лицом вниз, у всех были вывернуты карманы. В этом тоже была замечена некоторая странность, можно сказать – нарочитость. Словно не слишком далекий убийца старательно пытался изобразить картину ограбления.

На схожий «почерк» преступлений обратили внимание далеко не сразу. Ведь преступления совершались на территориях разных полицейских участков. К тому же убитые при жизни никак не были связаны между собой. Однако, как со временем выяснилось, некоторые из таких жертв были особами непростыми – людьми весьма обеспеченными, среди них попадались даже чиновники. Так что первыми сопоставили факты и забили тревогу коллеги наших сыщиков из Охранного отделения или, если официально, – «Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в городе Москве».

Как известно, это ведомство, как и сыскная полиция, собственно – уголовный розыск, впервые появились в столице еще в 1866 году. Но только через пятнадцать лет, к 1881 году, после серии покушений на Государя, было принято решение о создании охранных и сыскных отделений еще в девяти крупнейших городах империи, и прежде всего в Москве. «Сыскное» и «Охранка» во многом были схожи по методам работы, но, разумеется, отличались по своим задачам. Ко времени нашего повествования сей славной организацией успешно руководил подполковник Николай Сергеевич Бердяев, кстати, начинавший службу прапорщиком лейб-гвардии Московского полка, как и наш герой – Сидор Терентьевич Сырцов.

Первым, кто связал воедино эти преступления и высказал предположение, что тут, скорее всего, действует некий наемный убийца, был молодой и талантливый помощник Бердяева, чиновник по особым поручениям Сергей Васильевич Зубатов. Скорее всего, убийства носили чисто криминальный характер, а урки-душегубы были, так сказать, не их контингентом. Но подобные «заказные» убийства вообще были чрезвычайно редки в то время, кроме того, предполагали наличие преступной цепочки «заказчик – организатор – исполнитель». Исполнителем вполне мог быть и профессиональный уголовник, заказчики – иметь чисто корыстные интересы, но что представлял собой неведомый организатор? Или может быть, все-таки – организация? В пользу последнего предположения говорило еще одно неожиданное открытие, совершенное Зубатовым во время изучения им газетных объявлений. В скобках заметим – этому занятию Сергей Васильевич предавался регулярно по долгу службы. О сути этого открытия мы умолчим до времени, отметив лишь, что именно оно заставило Зубатова отправиться сначала к Бердяеву, а затем поехать вместе с ним к обер-полицмейстеру. Где после недолгого обсуждения было принято решение для расследования данных обстоятельств создать некую временную группу из числа сотрудников Охранного и Сыскного отделений, под личным контролем обер-полицмейстера.

Дело предполагалось вести в условиях строгой секретности, во избежание, в том числе, и нездоровых слухов среди обывателей. Собственно и дела-то пока никакого не было – так, проверки некоторых гипотез.

Одной из таких проверок как раз и занимался в то туманное утро Сергей Федорович Рудаков, привлеченный к расследованию от Сыскной полиции...

...Сыщики-приятели с четверть часа еще прогуливались по переулку и беседовали. Говорил в основном Рудаков. Храпунов больше молчал, переваривая услышанное. Наконец, видимо вспомнив о своих сиюминутных служебных делах, они пожали друг другу руки и разошлись.

Вот такие события произошли в ненастную московскую ночь и последовавшее за ней не менее ненастное утро 10 сентября 1893 года в одном из ничем не примечательных сретенских переулков, за год до того странного происшествия, что в конце августа 1894 года поколебало покой размеренной жизни приволжской усадьбы Сырцовых и самым таинственным образом оторвало нашего Сидора Терентьевича от домашнего очага и безмятежного чаепития.

К делу об убийстве коллежского советника Скворцова, равно и другим небезынтересным фактам, с ним связанным, нам еще предстоит вернуться позднее. А пока, предоставив возможность сыщикам и следователю Артемьеву продолжать по нему дознание, мы возвращаемся к прерванному повествованию и непосредственно к супруге генерала Сырцова – Анастасии Ивановне, которую непростительно оставили в конце первой главы в столь неясном положении, вызванном исчезновением ее дражайшей половины.

Заметим только, что следствие шло своим ходом, как говорится, ни шатко ни валко, без видимых успехов. Полицейское начальство во главе с обер-полицмейстером Власовским постаралось не делать огласки. И другие события вскоре затмили собой слухи, которые просочились в просвещенную среду местных обывателей. Обсуждали гибель броненосца «Русалка», страшную грозу с градом, разразившуюся накануне, а случившийся вскоре пожар в Стрелецком переулке в доме почетных граждан Кабановых живо напомнил им большой пожар 7 августа в доме Назарова, в тушении которого принимали участие шесть частей и аж две паровые машины!

Глава 5. Пропал генерал!

Существует немалое количество россиян, которые отличаются своей привязанностью к всевозможным переездам с места на место. Есть среди них и такие, что всю жизнь свою проводят в дороге, не ощущая при этом никаких неудобств. Причины, влекущие их в путь, самые различные: одни переезжают по необходимости, другие из-за жгучей, неосознанной тяги к перемене мест, третьи вполне сознательно ищут новых развлечений. Сидора Терентьевича, как мы знаем, с некоторых пор захватила вторая из них, хотя до этого многие годы он безропотно подчинялся первой.

Более многочисленна категория российского люда, представители которой предпочитают жить вполне оседло, ни под каким предлогом не покидать насиженное место. Если и приходится им иногда сниматься с него, то разве что только на ярмарку или по какой-нибудь насущной надобности в уездный или губернский город. Во всяком случае, далее границ своей губернии они пускаться не отваживаются, и вся жизнь их протекает в строго ограниченных рамках данной местности.

Такой была и Анастасия Ивановна. Дама степенная и несколько даже меланхоличная, она полагала любые поездки бездельными и только отнимающими время. Этому убеждения она особенно упрямо стала придерживаться, когда вынуждена была по воле своего мужа сменить московскую резиденцию на нижегородскую. Здесь она осела основательно и ни за что не соглашалась покинуть ее даже ради ежегодных ярмарок или приглашений в гости от своих знакомых.

Только лишь замужество дочери и переезд ее в Петербург заставили Анастасию Ивановну переменить свои принципы и сдвинуться наконец с места ради дальних ежегодных вояжей в Северную столицу. Решиться на такой подвиг она могла только лишь в силу своей любви к дочери, по которой очень скучала, в отличие от ее отца, которому, казалось, не было решительно никакого дела до нее. Съездив раз, другой, Анастасия Ивановна постепенно стала привыкать ко всем неудобствам и тревожениям дороги, пока смирилась с ними окончательно. В этом году поездка ожидалась ею даже с нетерпением, так как предстояло отпраздновать пятилетнюю годовщину свадьбы дочери, и Анастасия Ивановна уже собрала для нее кучу подарков.

Странная выходка Сидора Терентьевича испортила ей все настроение, растрожила и обеспокоила. Первой мыслью ее было остаться и не ехать, но потом, подумав и перечитав еще не раз то место в записке, где говорилось, что супруг ее обещает быть в Петербурге еще до Воздвиженья, Анастасия Ивановна все же решила ехать.

В сопровождении верного Прохора она благополучно, без особых приключений проделала весь путь от Нижнего до Москвы и далее до Петербурга. В первых числах сентября она была уже в доме своего зятя, где ее с нетерпением ждали.

Как уже упоминалось, зять ее – надворный советник Иван Григорьевич Гранатов – жил в собственном доме на Васильевском острове в конце Среднего проспекта, служил по ведомству министерства юстиции и, несмотря на свой довольно молодой возраст – ему недавно исполнилось тридцать два года, – был уже известным в городе адвокатом. Несколько крупных дел, проведенных им с подобающим блеском, принесли ему славу и так необходимое место в обществе. Он имел много влиятельных друзей из числа высокопоставленных военных и гражданских чиновников, не только в столице, но также и в Москве, где адвокату приходилось бывать по долгу службы.

Сердце Анастасии Ивановны, чувствуящее, что дочери хорошо за ним, наполнялось тихой материнской радостью.

Ко всему прочему, ей как женщине нравился этот среднего роста, темноволосый, статный мужчина аристократичной внешности, воспитанный и милый в обращении. Не могла она

взять в толк, почему мужу ее он пришлось не по нраву, спрашивать же его об этом было бесполезно. Сидор Терентьевич только угрюмо кряхтел и переводил разговор на другую тему.

Супруги Сырцовы всегда приезжали в Петербург с началом осени, когда столичная жизнь несравненно оживала после длительной летней спячки. В это время года в город во множестве стекалась местная аристократия, проводившая теплое время года в своих загородных имениях или за границей. К этому времени заканчивались учения гвардейских полков и военных училищ. Возвращались из походов корабли Балтийской эскадры, посещавшие с дружеским (за неимением войны) визитом зарубежные порты. Город заполнялся бравыми морскими и сухопутными офицерами, разудалыми гардемаринами и юнкерами. Начиналась пора многочисленных торжественных приемов, балов и всевозможных увеселений. Открывали сезон театры. Словом, все снова приходило в свое, годами прорытое русло.

Правда, нынешней осенью, в 1894 году, обстановка в столице была иной. В городе ходили тревожные слухи о болезни Государя Императора, явившейся, как говорили, следствием той давней железнодорожной катастрофы царского поезда под Харьковом, у деревни Борки. Слухи, заметим, не беспочвенные. К октябрю здоровье Императора резко ухудшилось. У него быстро развивалась тяжелая болезнь почек. Из Ялты, а затем из Ливадии, куда Император переехал по настоянию врачей, стали приходиться все более тревожные телеграммы... Это мало располагало к веселью. Не располагала к веселью и установившаяся холодная сырая погода. Дожди, зарядившие летом, к сентябрю только усилились и шли теперь, практически не переставая. И потому осень в столице в этом году начиналась весьма сумрачно во всех отношениях. Так что настроение Анастасии Ивановны шло в унисон с общим настроением Петербурга.

Таинственное исчезновение Сидора Терентьевича было воспринято домочадцами по-разному. Иван Григорьевич выразил свое удивление такой странностью, в то время как Полина поначалу не проявила к нему достаточно интереса, отнеся его на счет очередного сумасбродства отца. Она посоветовала матери успокоиться и не волноваться раньше времени. Анастасия последовала ее совету, но ненадолго. Время шло, Воздвижение было уже не за горами, но о Сидоре Терентьевиче не было ни слуха, ни духа. Тревога Анастасии Ивановны с каждым днем все усиливалась.

Праздник прошел скучно, в смутных ожиданиях чего-то недоброго. Настроение Анастасии Ивановны постепенно стало передаваться и дочери. Полина, хотя и не верила по-прежнему в то, что с отцом ее что-то произошло, все же упростила мужа навести, насколько возможно, справки. Иван Григорьевич собирался уже послать запрос в департамент полиции, но неожиданные события заставили его действовать совсем в ином направлении.

В первое воскресенье по Воздвижению Гранатовы отмечали свой юбилей. Гостей решили не приглашать, обойтись своим семейным кругом, тем более принимая во внимание состояние Анастасии Ивановны. Но они пришли, что называется, незваными.

Один из них – коллега и давнишний друг Гранатова, еще с университетской скамьи, Муромцев, и двое его новых друзей: Тимаков, служивший товарищем прокурора Петербургской палаты, и Ишимов – надворный советник из министерства внутренних дел. Чуть позже, с задержкой в полчаса, неожиданно нагрянул посыльный из департамента полиции с извещением, что директор его – генерального штаба генерал-лейтенант Петров будет в течение вечера в гости к господину Гранатову, как появится свободная минута.

Ничего не оставалось делать, как устроить небольшой банкет для гостей, чему, по советам говоря, Гранатов был даже рад, так как надеялся таким образом отвлечь тещу от грустных мыслей. Надежды его оправдались только наполовину. Анастасия Ивановна забылась на время и даже смеялась шуткам остроумца Муромцева, но первое же упоминание о Сидоре Терентьевиче снова погрузило ее в глубокую задумчивость, вывести из которой ее уже не удавалось.

Некоторое время они сидели за столом, пили шампанское, беседовали и ждали Петрова. Директор солидного департамента, одного из главнейших в министерстве внутренних дел, он,

бывший по чину на несколько ступеней выше Гранатова и его гостей, мог своим присутствием составить честь хозяину дома. К тому же Петров пользовался заслуженной славой приятного человека и занятого собеседника. Поэтому приход его ожидался с нетерпением.

Время шло. На часах было уже восемь вечера без четверти, а Петров все не появлялся. В конце концов Анастасия Ивановна, сославшись на головную боль, ушла в свою комнату в сопровождении Полины, не пожелавшей оставить мать. Мужчины остались одни.

– А что такое сегодня с твоей тещей, Иван? – полюбопытствовал Ишимов. – Мне показалось, она чем-то расстроена.

– Я тоже заметил, – вставил Тиманов. – Может, мы сегодня не вовремя?

– Нет, что вы! Скорее наоборот. Я вам очень признателен... У нас небольшое недоразумение. Чисто семейное...

– Вот так, Дмитрий Васильевич, – насмешливо произнес Муромцев. – Чисто семейное. Разберутся, как говорится...

– Собственно, ничего такого секретного тут нет. Анастасия Ивановна беспокоится долгим отсутствием мужа. Только и всего.

– Завидую твоему тестю, – не унимался Муромцев, – чуть задержался, а жена беспокоится. Моя Катерина даже не заметила, когда я в прошлый раз съездил в Могилев и обратно. А отсутствовал я, заметьте, господа, полторы недели...

– Послушайте, господа, – перебил его Ишимов, – Кажется, звонок!

– Да, звонок. Это, верно, наконец господин Петров. Прошу прощения, пойду встречу, – Гранатов вышел из-за стола и исчез за дверью.

Прошло, однако, минут десять, прежде чем в комнате появились новые лица. Их было двое. Впереди шагал высокий генерал в мундире с белыми эполетами. Лицо его было чисто выбрито, лишено бакенбард и даже усов. Он шагал широко и размашисто. Сразу с порога он громогласно произнес:

– Здравствуйте, здравствуйте, господа. Простите за опоздание. Дела!

За ним следом вошел незнакомый среднего роста худощавый господин в чиновничьем мундире. Последним появился хозяин дома.

Генерал прошагал к самому столу, где Муромцев, Ишимов и Тиманов ждали его стоя.

– Позвольте представить, господа, – генерал обернулся к своему спутнику, – управляющий распорядительным отделом канцелярии московского обер-полицмейстера – коллежский советник Доброноки Дмитрий Стефанович. Прошу, как говорится, любить и жаловать. Иван Григорьевич, господин Доброноки у меня по делам службы, и я решил пригласить его вместе со мной посетить вас. Надеюсь, вы простите мне такую вольность?

– О какой вольности речь, ваше превосходительство! Весьма польщен вашим визитом. Прошу вас за стол, господа!

Гости начали рассаживаться.

– Позвольте, господа! Не вижу невесты, – пробасил Петров оглядываясь. – Иван Григорьевич, друг мой, представьте сию минуту несравненную свою. Куда вы там ее запрятали?

Гранатов подошел к портьеру и подергал спрятанный за ней звонок.

– Анюта, – произнес он, когда на пороге возникла фигура горничной, – попроси барыню спуститься сюда. Скажи, что приехал господин Петров. И пригласи госпожу Сырцову.

– Как, и она тоже здесь? Что же вы молчали? Так, надо думать, и Сидор Терентьевич тоже здесь? Давай, давай его сюда. Давненько не виделись.

– Нет, господин Сырцов не приехал. Тут такая история...

– Какая еще история? Опять дуриет старая перечница? Ну да я его знаю...

В этот момент в комнате появилась Полина, а вслед за ней и невеселая Анастасия Ивановна. Взглянув, однако, на Петрова, она улыбнулась и поправила бахрому на платье.

– А! Вот и они! – Петров поднялся из-за стола и пошел им навстречу. – Уважаемая Анастасия Ивановна, прелестная Полина Сидоровна!

Петров грациозно поцеловал руку сначала матери, потом дочке и, держа их за руки, подвел к столу, усадил обеих в кресла, и только тогда сел сам.

– Что ж, господа, позвольте мне в этот знаменательный для вас день поднять свой бокал за счастье и процветание четы Гранатовых. Не скрою, господа, что я питаю самое глубокое расположение как к ним самим, так и к их уважаемым прародителям. Вы хорошо знаете, что с покойным Григорием Александровичем мы были большие друзья. Бо-о-ольшие друзья! А что касается господина Сырцова и его уважаемой половины, то тут уж... Подумать только, господа, ведь я знаю их уже... дай бог памяти... сколько же я их уже знаю?..

– Стоит ли, Николай Иванович, трудить напрасно голову то! – отозвалась Анастасия Ивановна. – Что вспоминать былое, лучше поднимайте за здоровье молодых.

– Я только хотел подчеркнуть, уважаемая Анастасия Ивановна, с каким высоким чувством я к вам отношусь. Первый мой тост, как водится, за молодых, ну а второй и за вас не грех...

– Здоровье молодым! – подхватил Муромцев, вскакивая.

– Здоровье! – было дружным ответом. Все выпили к снова уселись на места.

– Очень рада я вас нынче видеть, любезный Николай Иванович, – произнесла снова Анастасия Ивановна. – Уж как рада... У меня ведь дело к вам...

– Дело? Нет-нет, никаких дел. Сейчас только вот это... – Петров поднял рюмку и шутя постучал по ней вилкой.

– Дела – они, любезная Анастасия Ивановна, и подождать могут. Вот я сегодня бросил все эти дела под стол – и к вам. А и то дел, скажу вам, невпроворот. Такое творится, господа! Государь Император болен тяжело. А эти наглецы что вытворяют...

– Это, простите, вы про так называемых социалистов изволите? – вставил Тиманов.

– А то про кого? Вы там у себя в министерстве с вашим министром ничего не видите. Только депеши читаете, а мне с ними каждый божий день дело иметь приходится. Только сегодня, вот через господина Доброноки, отношение направляю к господину Власовскому в Москву... И то, господа, ведь что они вытворяют!

– Да полно вам, Николай Иванович, что вы, право! – произнесла Анастасия Ивановна, которая одна среди всех и не боялась прерывать генерала. – Сказали, что все дела бросили, а сами о чем речи ведете?.. Я ведь вас о важном спросить хотела...

– Виноват, Анастасия Ивановна, виноват! В таком случае прошу снова наполнить бокалы. И я, как опоздавший, предлагаю слушаться меня и не прекословить. Второй тост, как и было ранее сказано, за вас и за отсутствующего здесь Сидора Терентьевича!

При этих словах Анастасия Ивановна помрачнела и поднятая рюмка в ее руке задрожала.

Это не укрылось от Петрова, который именно в этот момент наклонился к ней, чтобы поцеловать руку.

– Что это вы, Анастасия Ивановна, может, нездоровы?

Госпожа Сырцова между тем молча поставила рюмку на стол.

– Позвольте, я объясню, – произнес Гранатов. – Анастасия Ивановна сегодня и вправду не совсем здорова... – Он задумался на минуту, бросил короткий взгляд на тещу, потом, словно решившись, бросил решительно:

– Пропал у нас Сидор Терентьевич!

– Что значит – пропал? Что такое с ним случилось?!

– Да я не думаю, чтобы что-то случилось... Хотя, признаться, мне странно – где он может быть столько времени?

Гранатов изложил суть дела так, словно присутствовал в суде – кратко, сжато, подчеркивая, с присущим ему профессионализмом, особо важные места. Все выслушали его молча.

Петров слушал вначале с большим интересом, но к концу рассказа он сменился у него недоумением. Выслушав все, он дернул бровью и пожал плечами.

– И что же странного вы тут нашли? И из-за такого-то пустяка вы расстраиваетесь? Будто вы своего благоверного не знаете. Он же сумасброд известный.

– Вот и я говорю матушке, – встрепенулась Полина, одарив Петрова благодарственным взглядом, – что переживать. Видимо, у папеньки дело спешное затянулось...

– Да ведь времени-то прошло изрядно. Сказал, что приедет к Воздвиженью, а Воздвиженье прошло давно...

– Ну и что с того? Дела – они и есть дела! Мало ли какие затруднения могут возникнуть, – мягко возразил ей Петров и махнул рукой.

– Да уж дела... – Анастасия Ивановна несколько успокоилась. – Год весь, почитай, сиднем, а как к дочке ехать, так сразу у него «дела»! И куда ездит-то? Ведь молчит, – сколько ни спрашивала... А еще этот, что за ним приехал!..

– Да, личность, прямо сказать, непонятная! Но я думаю, что когда бы муж ваш его не знал, то и вместе с ним не отправился. Сумасброд-то он сумасброд, да голову на плечах имеет. Так что волноваться тут нечего. Найдется наш Сидор Терентьевич. Не было у нас еще в России такого случая, чтобы генералы и пропадали, – Петров снова успокоительно махнул рукой.

– А у нас, господа, в Москве дело одно есть, – вдруг подал голос Доброноки, уставившись в свою тарелку. – И, представьте, пропал именно генерал.

Петров громко крикнул и хмуро воззрился на него. Все присутствующие разом повернули к нему головы. Анастасия Ивановна даже привстала со стула.

– Что такое у вас там, в Первопрестольной, случилось? Почему не слышал?

– Так ведь дело еще не закончено и отношение к вам не поступало... Да и честно говоря, зашло в тупик, – добавил он после секундной заминки.

– Сделайте милость, Дмитрий Стефанович, расскажите, – попросила Анастасия Ивановна, почувствовав вдруг, как забилося у нее сердце при этом сообщении.

Тут только Доброноки поднял глаза от тарелки и увидел обращенные к нему глаза всех присутствующих. За исключением хозяйки, он сразу уловил в них неодобрительные нотки, особенно неприветливые и осуждающие в глазах директора департамента. Осознав, что сказал невпопад, он сделал робкую попытку выкрутиться из неудобного положения.

– Да рассказать-то можно было бы... Только ведь я мало что знаю. Мое дело, господа, канцелярия, бумаги... так только, слышал мимоходом.

– А что именно слышали? Любезный Дмитрий Стефанович! Может, про мужа что? Так вы уж без утайки!

– Да что вы, уважаемая Анастасия Ивановна! Я и фамилию-то вашу, не в обиду будет сказано, только сегодня впервые и услышал – вот от их превосходительства. Да и потом и не интересно это вовсе. Дела наши московские к вам касательства никакого не имеют.

– Кабы знать, где он каждый год по «делам» своим пропадает. Так может, и в Москву ездит.

– Могу вас успокоить, уважаемая Анастасия Ивановна, успокоить самым решительным образом, – Доброноки нашел, наконец, как ему показалось, наилучший способ разом исправить дело и перевести разговор на другую тему. – Вы меня совершенно не так поняли. Дело, о котором я вам хотел было... То есть вы хотели... Одним словом – оно уголовное и никоим образом не касается генералов как таковых, то есть в прямом смысле этого слова. Это я в шутку хотел было высказаться. Генералами на нашем профессиональном языке главарей разбойных величают. Главный он в шайке своей, стало быть... – Доброноки принужденно рассмеялся, однако никто его не поддержал, отчего он еще более смутился и произнес несмело:

– Вообще-то, у нас в практике много курьезных случаев...

– Вот и рассказали бы нам, – пришел к нему на помощь Петров, искоса наблюдая за Сырцовой.

– С превеликим удовольствием, – смущенный Доброноки несколько воспрянул после этих слов и распрямился. – Вот буквально на днях проезжает наш обер-полицмейстер, господин Власовский через Устьянский мост и видит такую картину. Едет через мост водовозка. Городовой же, что стоит в начале моста, подходит к ней, с самым серьезным видом затычку из бочки сзади вытаскивает. Мужик, что на бочке сидит, этого не замечает и едет через мост как ни в чем не бывало. Вода сзади льет, а городовой идет рядом и наблюдает. Так до самого конца моста и шел, пока вся вода не вытекла. Тогда он спокойно – затычку на место и возвращается назад с полным сознанием выполненного долга.

– Ха-ха-ха! – расхохотался Петров, откидываясь на спинку стула. – Ай да городовой! Ну а Власовский что же?

– Понятное дело, к нему. Подскочил и прямо с брочки – в разнос, а тот остолбенел и только тянет одно: «Виноват, ваше высокородье, пыльно!»

– Ха-ха-ха! – снова залился Петров. – Пыльно! – Вслед за ним засмеялись и остальные.

– Нет, какова bestия, господа!

Анастасия Ивановна тоже улыбнулась, чем весьма обнадежила Доброноки.

– Или вот еще одна история...

Однако развеселить Анастасию Ивановну было не в его силах. Посидев еще немного для приличия, она удалилась снова к себе в сопровождении Полины. Мужчины опять остались одни и перешли в кабинет Ивана Григорьевича.

– Ну, господин Доброноки, – с некоторой долей ехидства произнес Петров, насмешливо поглядывая на чиновника, – так, говорите, главари разбойные на Москве теперь «генералами» прозываются? А я-то все по-старинке их Иванами величаю.

– Прошу прощения, ваше превосходительство, – сконфуженно произнес Доброноки, приподнимаясь. – И у вас, господин Гранатов, за не к месту произнесенные слова...

– Да уж вы постарались масла в огонь подлить. Ну да что о том говорить. Все-таки что же это за история с генералом? Нам-то уж о нем доложите. Господину Гранатову это вреда не составит.

– Да, собственно, рассказывать-то мне действительно нечего. Дело не закончено и мне мало что известно. Я так было хотел, к слову более...

– Ну да, к моему, конечно. Я так, а он этак. Чтоб, значит, позлить начальство.

– Помилуйте, ваше превосходительство... – Петров рассмеялся.

– Ладно, рассказывайте, что знаете.

– Год назад убили у нас на Сухаревке одного из сыщиков. Некого коллежского советника Скворцова. Шум-то был изрядный, только до сих пор, насколько я знаю, ничего определенного установить не удалось. Убийца не обнаружен, и дело все пока во мраке, как говорится.

– Ну а генерал здесь при чем?

– По делу проходит. В какой роли, сказать не могу. Не знаю. Вероятно, как свидетель. Знаю, что ищут его, чтоб показания снять. Да пока не нашли.

– А фамилия? – встрепенулся Гранатов.

– Фамилия? – Доброноки подумал некоторое время. – Нет, не помню. Следователя, что дело ведет, помню – Артемьев, а генерала не знаю. Врать не буду.

– И как же убили этого Скворцова?

– Задушили. Удавкой.

– Довольно редкий способ. В России все более ножичком, да топориком любят орудовать. Револьверчиком тоже...

– А вот, кстати, вы не читали, ваше превосходительство, в «Современных известиях» об убийстве у нас на Трубной в начале этого месяца?

– На Трубной? А, это о некоем Киселеве? Его застрелили у ворот дома какого-то чиновника.

– Так ведь его не только застрелили, но и удушили.

– Как это – и застрелили, и удушили? – удивленно произнес Ишимов.

– А так. Нашли его в луже крови. Пуля в сердце, а на шее удавка.

– Ну, уж это – совсем непонятно...

– Опять маньяк. Помните, господа, убийство московского городского головы Алексеева в марте? Душевнобольной в здании Думы стрелял, а уж на улице-то...

– Так вот это дело тоже Артемьев ведет. Работы у него теперь по горло. Вот он-то про генерала пропавшего знает точно. Если вас это интересует, господин Гранатов, я бы мог навести справки.

– А сами вы больше ничего не знаете? – Гранатов с какой-то надеждой посмотрел на Добороноки. Тот беспомощно развел руками.

– Эх, Дмитрий Стефанович, – укоризненно покачал головой Петров. – И кто вас за язык тянул. Видели же, что хозяева волнуются.

– Слово не птица...

– А когда был убит этот Скворцов? – Гранатов озабоченно взглянул на Добороноки.

– Уже год назад. Это точно.

– А месяц, месяц не помните?

– Месяц? В начале осени... В сентябре... Точнее не скажу.

Гранатов задумался.

– Понимаете, господа, мне видится здесь нечто странное. В прошлом году они ведь тоже у меня гостили. Сырцовы всегда приезжают в конце августа, а уезжают где-то через месяц, в конце сентября. Это наша семейная традиция. В том году Сидор Терентьевич уехал днями тремя ранее супруги, а вернулся в усадьбу уже после ее приезда.

– Так ты что же, всерьез думаешь, что тот генерал и есть господин Сырцов? – Тиманов уже с интересом взглянул на него.

– Я только пытаюсь сопоставить факты, а они до странного сходятся. Ты не находишь?

– Пожалуй, – он покрутил пальцами.

– Есть и еще одна странность. Я было не придал этому значения ранее, но теперь все выглядит в другом свете. Не далее как третьего дня мой камердинер докладывал о визите каких-то двух незнакомцев. Интересовались господином Сырцовым.

– Вот как? И что же они от него хотели?

– Они узнавали, приехал он или нет. Получив отрицательный ответ – ушли.

– Они так и не назвали? – Петров вопросительно поднял бровь.

– Это-то меня и озаботило более всего. Думаю, не случилось ли в самом деле чего с моим тестем.

– Да, все это очень странно. И что же вы собираетесь предпринять?

– Я решил, завтра же еду в Москву. Как вы сказали, зовут того следователя?

– Артемьев.

– Попробую его навестить. Узнаю фамилию того генерала.

– Я тоже завтра еду обратно в Москву, – Добороноки взглянул на Петрова. – Могу оказать господину Гранатову всяческое содействие.

– Благодарю. Буду весьма признателен.

– Ну что ж, желаю, чтобы все обошлось как нельзя лучше, – Петров обвел взглядом друзей Гранатова. – Нам же, господа, остается только ждать. Надеюсь, вы поставите нас в известность, когда найдется эта таинственная пропажа.

Начальник департамента абсолютно не верил, что генерал Сырцов мог куда-то исчезнуть, и тем более ему представлялось совершенно невероятным упоминание какого-то уголовного дела рядом с именем Сидора Терентьевича.

Однако на завтра выехать в Москву Гранатову не пришлось. Служебные обязательства, принятые ранее, вынудили его отложить поездку, и только к пятнице он, освободившись от неотложных дел, смог наконец выхлопотать отпуск и отправился в путь, движимый нетерпением и беспокойством, так как тесть его за это время в Петербурге так и не появился.

В душу Анастасии Ивановны известие о его поездке вдохнуло заряд надежды и она, вместе с Полиной провожая его с перрона Николаевского вокзала, с благоговением перекрестила не только зятя, но и сам поезд, повезший его в Москву.

По прибытии на место Гранатов первым делом побывал в канцелярии обер-полицмейстера в Гнезниковском переулке, где повидался с Доброноки и узнал от него, что судебный следователь Артемьев в настоящее время находится во втором участке Сретенской части на Рождественском бульваре. Он отправился туда, не теряя времени, только по пути заехал на Сретенку в «Большие Московские» меблированные комнаты, чтобы снять номер и оставить обременявший его багаж.

Чем ближе он приближался к цели своего путешествия, тем большая тревога и нервозность охватывали его.

Глава 6. Следствие по делу...

Наша предыдущая встреча со следователем Артемьевым носила столь мимолетный и сумбурный характер, что не позволила в достаточной мере познакомиться с ним поближе.

Между тем этот персонаж, силою обстоятельств поставленный в положение одной из центральных фигур нашего повествования, заслуживает более пристального к себе внимания. Посему оставим на время адвоката Гранатова и предоставим ему возможность спокойно добираться до Рождественского бульвара. Сами между тем обратимся к следователю, чтобы исправить допущенное в отношении его упущение.

Читатель уже представляет по беглому описанию внешность и некоторые черты характера следователя. Поэтому ему не составит труда довершить с нашей помощью портрет Артемьева и составить о нем свое мнение.

Евгению Лазаревичу Артемьеву было уже за пятьдесят. Точнее, пятьдесят два года. Тридцать из них он добросовестно отдал делу юстиции. Хотя, в отличие от того же Гранатова, карьера его претерпела за годы ряд не слишком радостных метаморфоз, приведших Евгения Лазаревича на высоты куда более скромные.

Он родился и вырос на земле княжества Финляндского. Его отец, морской офицер, служил долгое время в Гельсингфорсе, потом, как водится, вышел в отставку и переехал жить к родственникам жены в Дерпт. Проведя детство свое и отрочество среди военных, на фоне кораблей и вольного морского простора, молодой Артемьев между тем не проникся всей их прелестью и юность свою предпочел отдать книгам, студенческой скамье и стенам Дерптского университета, где несколько лет усердно зубрил юриспруденцию, предпочтя ее морскому артикулу и розе ветров.

Этому его, на первый взгляд, странному выбору имелось самое простое объяснение. Евгений Лазаревич, что называется, с пеленок имел непреодолимую страсть к решению всякого рода головоломок, особенно криминального характера и не раз поражал своих сородичей способностями в этой области. Во время учебы в университете он достаточно проявил себя в этом не только теоретически, но и практически, подрабатывая в качестве помощника участкового пристава. Делал он это отнюдь не из-за денег, но всецело из-за любви к следовательской практике.

По окончании университета Артемьев был определен на должность младшего помощника окружного судьи, однако уже через год положение его изменилось.

Серия реформ, всколыхнувшая Россию по милости Государя Императора Александра II после 1861 года, не обошла и судебное производство. По судебной реформе 1864 года в империи был введен штат судебных следователей. Это решило всю дальнейшую судьбу Евгения Лазаревича. Это было как раз то, что полностью соответствовало его помыслам и стремлениям. На протяжении семнадцати лет он состоял судебным следователем при Дерптской судебной палате.

Случай помог ему сменить ее на более престижную – Санкт-Петербургскую. А случай был самый тривиальный. Он женился. Женился впервые в возрасте тридцати девяти лет. Хотя мог бы и вовсе не жениться, так как совершенно ни во что не ставил эту сторону человеческого бытия. Женился он на молоденькой дочери одного из своих клиентов – купца Пегова, имевшего свое дело в обеих столицах – Санкт-Петербурге и Москве.

Но в Северной столице Артемьеву не повезло. В 1881 году был убит Государь Император Александр II, и Артемьев, попав под горячую руку, в момент сменил свое местопребывание на менее престижное – московское. Да и то, может быть, только благодаря все тому же Пегову, сумевшему договориться с кем надо и избавить своего зятя от путешествия в места куда более отдаленные.

А переводу этому в немалой степени содействовала одна из постоянных слабостей Артемьева – любовь где надо и не надо рассказывать анекдоты или отпускать разного рода шуточки, порой не вполне уместные и деликатные. А анекдотов он знал превеликое множество и собирал их со всей страстью не менее скрупулезно, чем досье на своих подопечных. Евгений Лазаревич был добрый человек, однако иногда невольно доставлял этим массу хлопот и себе, и другим. И вот не вовремя и не к месту рассказанный анекдот про покойного Государя Императора стоил ему весьма дорого, так, что и сам сказитель не ожидал такого от него эффекта.

Однако эта история с переводом никак не подействовала как на его любимую слабость, так и на отношение к службе. Артемьев даже и не обиделся и принял свою опалу с присущей ему невозмутимостью. Он переехал в Москву, поселился в доме своего тестя на Трубной площади и вот уже тринадцать лет между делом рассказывал анекдоты вместо Петербурга теперь в Москве.

Таким был следователь Артемьев. Любитель, кстати, сам распутывать заковыристые случаи и нечасто прибегающий к помощи сысского управления.

Дело, выпавшее ему в ту ненастную сентябрьскую ночь 1883 года, поначалу не показалось ему трудным, да и не вызвало особого интереса. Само появление трупа в этом районе было делом заурядным. В районах как Хитровка, так и Сухаревки, во множестве населенных трущобным людом – париями, их находили так же часто, как пропадали здесь люди. Как правило, это были обитатели тех же хитровских ночлежек, бродяги без роду и племени, розыск по которым зачастую не объявлялся вовсе. По найденным же трупам дознание проводилось по всей форме, но обыкновенно с этим делом прекрасно справлялось сысское управление, предоставляя в руки следователя необходимый материал в кратчайшие сроки. Дело в том, что среди местных обывателей полицейские осведомители работали во множестве. Причем занятие это в их среде не считалось чем-то зазорным. Каждый выживал, добывая свой хлеб и место под солнцем посильными средствами. Так что найти виновника преступления обычно не представляло особого труда и не требовало умственного напряжения ни сыщиков, ни судебного следователя. Именно поэтому с самого начала Артемьев был уверен, что не пройдет и несколько дней, как преступник будет сидеть у него в кабинете и давать показания.

Не особо удивило его и то обстоятельство, что убитым оказался не простой сухаревский или хитровский бродяжка, а знакомый ему коллежский советник. Ему было хорошо известно, что не проходило дня, чтобы Скворцов не появлялся в его «пенатах»: бродил часто по базарной площади, улицам и переулкам, выуживая или выслеживая кого-то, вынюхивая что-то одному ему известное. Врагов у сыщика имелось предостаточно и мотивы убийства не вызвали у Евгения Лазаревича сомнений: кто-то «по дружбе» свел с ним счеты.

Артемьев не сомневался, что агенты сысского всю Москву вверх дном перевернут, но найдут того, кто «постриг» их собрата. Ему же оставалось лишь набраться терпения и ждать результатов.

Некоторый интерес вызвал у него способ убийства. Удушение не так часто встречалось в его практике. Доктор Вельский предположил, что оно совершено бечевкой или тонкой проволокой. Но, в конце концов, и такое случалось. Ему сразу вспомнилось дело из практики петербургского сыщика Путилина о банде душителей, грабивших таким образом столичных извозчиков. Так что ничего такого странного. Встречались у него вещи и похлеще. Всего с полгода тому назад одного из посетителей трактира на Садово-Спасской, точно английского средневекового герцога Кларенса, нашли утопленным в бочке с вином.

Артемьев, основываясь на найденных им коробке спичек и папиресе, а также на не совсем вразумительных, но в общем понятных показаниях дворника Гесина, выдвинул вполне реальное предположение, что Скворцов был убит в тот момент, когда остановился прикурить под навесом ворот. Некто накинул ему на шею удавку и затянул. Найденная рядом гильза наводила на мысль, что сыщик пытался оказать сопротивление и выстрелил в нападав-

шего, но версия эта, кроме находки самой стрелянной гильзы, ничем не подтверждалась. Во-первых, никто, в том числе и дворник, не слышал выстрела, во-вторых, не было найдено оружие Скворцова. Возможно, его у него с собой не было или оно было похищено неизвестным злоумышленником. Как бы то ни было, вопрос с оружием надо было проверить. Артемьев смог сделать это легко.

В те времена пистолеты с отстреливающимися гильзами только появлялись в России и были редки среди сыщиков и полицейских. Оставалось установить, имелось ли такое оружие у Скворцова. Другим вопросом, необходимым для выяснения, было установление причин нахождения Скворцова в столь поздний час в означенном месте, в Стрелецком переулке. Случайно или сознательно он там оказался?

И в то время, пока сыскная полиция вела поиск среди обитателей московских трущоб, Артемьев побывал, так сказать, в самих ее недрах, в помещении управления сыскной части в Гнездниковском переулке, где работал Скворцов. Он порасспросил чиновников – сослуживцев убитого и легко выяснил первый свой вопрос относительно оружия. Действительно, у Скворцова имелся личный браунинг, которым он очень дорожил и никогда с ним не расставался. Отсюда Артемьев заключил, что поскольку браунинг не был найден ни на его работе, ни дома, то он мог в момент преступления находиться у сыщика. В таком случае Скворцов мог попытаться применить его при обороне, и браунинг впоследствии был похищен убийцей.

Однако в отношении второго вопроса – о причинах пребывания Скворцова в Стрелецком переулке – дело сразу застопорилось. Никто из сослуживцев, как и само начальство, ничего не знали о планах его на этот вечер. Заданий ему никаких не поручалось. Ничего не дало Артемьеву и изучение бумаг покойного в его столе. Бумаг было много. Из всего хлама внимание Артемьева привлекла только записная книжка Скворцова и две папки в верхнем ящике. Однако в записной книжке не было ни слова о чем-либо связанном со Стрелецким переулком, а в папках оказались дела тридцатилетней давности, непонятно зачем оказавшиеся не в полицейском архиве, а в столе сыщика.

Первая папка была совсем тощей и содержала всего несколько листов с описанием хода дознания по делу об убийстве некоего индуса Раджвахани Рао в Златоустинском переулке, вторая папка была не намного толще первой. Это было описание судебного процесса над двумя бродягами, замешанными в убийстве иностранца – тоже индуса. На обложке папки красовалась надпись – «Дело об убийстве иностранного подданного индийского происхождения – Раджама Сундарама». Обвиняемыми по делу проходили некто Абаз Аскеров и Пахро, его подручный, отказавшийся назвать свою фамилию. На последней странице было начертано: «Обвиняемые осуждены в каторжные работы бессрочно».

Артемьев добросовестно потратил день на изучение всех бумаг, но так и не нашел ничего более стоящего. После сыска он проехал на Пятницкую в полицейский архив и поинтересовался, что еще брал Скворцов для ознакомления, но оказалось, что он побывал тут всего раз, два месяца назад, и взял только те дела, что уже видел Артемьев. С тем следователь и уехал.

Не получив ответа на второй вопрос, Артемьев оставил выяснение его всецело на попечение сыска управления, надеясь, что в самом скором времени он разрешится сам собой, по обнаружении преступника.

Время, однако, шло, но никаких обнадеживающих результатов не поступало. Сыские агенты обшарили всю Москву. Сухаревские, хитровские и прочие осведомители в растерянности разводили руками. Московское дно откращивалось от участия в убийстве Скворцова. Розыск перекинулся постепенно на губернию, но результаты оставались прежними.

Артемьев между тем, не получая обнадеживающих сведений, все больше склонялся к мысли, что убийство Скворцова никак не связано со Стрелецким переулком и является делом случая.

Между тем шум в компетентных кругах по поводу убийства стал постепенно стихать и активность розыскных дел по нему также пошла на убыль по мере того, как в сыскное управление перестали поступать запросы, с ним связанные.

С фактическим прекращением розыска Артемьев все чаще стал переключаться на другую работу, в которой у него не было недостатка, и постепенно происшествие в Стрелецком переулке было забыто.

Так незаметно прошел год и события более значимые оттеснили все прочие на второй план.

Болезнь Государя Императора, омрачившая осень для петербургской публики, не могла не затронуть общества московского. Как и в год катастрофы царского поезда под Харьковом, поползли по Москве слухи о покушении на жизнь августейшей особы, ничем, впрочем, не обоснованные. Слухи эти вызвали к жизни воспоминания об убийстве Александра II и покушении на жизнь Его Высочества Цесаревича Николая Александровича в Японии в 1891 году. Тревожная обстановка поставила на ноги всю полицию. Ждали беспорядков. Дела политические заслонили все прочие.

Подошел к концу август. Артемьев уже два месяца не притрагивался к делу Скворцова и провел несколько менее сложных, но более результативных дел.

В тот момент, когда генерал Сырцов собирался в поездку к дочери, и его планы были столь странным образом нарушены появлением нежданного гостя, следователь заканчивал свое очередное дело об ограблении купца Кононова.

Казалось, преступление в Стрелецком переулке навсегда кануло в Лету, но жизнь часто преподносит самые неожиданные сюрпризы...

Глава 7. Убийство на Трубной

Артемьеву такой сюрприз был преподнесен в пятницу 10 сентября 1894 года. Он явился ему в виде нового преступления на территории все того же второго участка Сретенской части. Сведения о нем, не в пример делу Скворцова, очень быстро попали в прессу. Например, в «Современных известиях» появилась заметка следующего содержания:

«Вчера около трех четвертей седьмого утра в Сретенскую полицейскую часть поступило сообщение с Трубной площади от дворника Алексея Скачкова о том, что им во дворе вверенного ему дома отставного надворного советника Стоецкого обнаружено окровавленное тело неизвестного мужчины. Прибывшей на место полицией тело неизвестного было осмотрено и установлено, что он убит прямым выстрелом в сердце примерно за шесть часов до означенного часа. Убитый был найден дворником в десяти сажнях от ворот, в тот момент, когда он под утро возвращался к себе в дворницкую из полицейского дома, где провел до этого трое суток под арестом по распоряжению господина московского обер-полицмейстера. Сию немаловажную подробность мы относим всецело тем нашим читателям, что любят строить всевозможные версии, как свидетельство непричастности дворника к убийству.

Личность убитого установлена. Им оказался мещанин Артем Матвеевич Киселев, проживавший в собственном доме по адресу Стрелецкого переулка, что на Сретенке. Оpoznанию личности потерпевшего немало способствовала оказавшаяся поблизости экономка дома Евсейвой, по тому же адресу – Лукерья Носилова.

К любопытным фактам по этому делу мы можем отнести наличие на шее убитого удавки, присутствие коей свидетельствует о том, что несчастный Киселев был еще дополнительно и удушен. Ужасный век, ужасные сердца!

Из дополнительных сведений по факту убийства следует отметить, что хозяин дома – надворный советник господин Стоецкий – в момент осмотра трупа был предварительно опрошен полицией и показал, что был вчера весь вечер дома, но ничего похожего на выстрел не слышал, так как лег рано спать. Кроме самого хозяина никаких жильцов в доме не оказалось, по той причине, что последнему из них господин Стоецкий отказал от квартиры за неделю до того.

Полиция ведет опрос соседей на предмет слышания ими выстрела или прочих известных им подробностей.

По факту убийства полицией начато уголовное разбирательство. По мере возможности и с любезного согласия полиции, мы будем стараться держать в курсе наших уважаемых читателей».

Так случилось, что сообщение об убийстве застало Артемьева в непосредственной близости от места происшествия.

Вставать рано он привык с самого детства; еще живя в Гельсингфорсе он вскакивал чуть свет и несся к морю окунуться в холодные воды Балтики. Постепенно это вошло у него в привычку. В Москве моря не было, до Москвы-реки было далеко (проживал Евгений Лазаревич в районе Трубной площади), поэтому привычку к утреннему купанию пришлось оставить, заменив ее обливанием, но вставать рано – он взял за правило. Правда, в последнее время то ли от возраста, то ли от переутомления он стал ему изменять и частенько просыпался, если позволяли обстоятельства, довольно поздно. В последнюю неделю он никогда не вставал ранее семи. По иронии судьбы именно в этот понедельник он встал рано и к половине седьмого уже полностью одетый стоял на пороге дома, вдыхая полной грудью свежий утренний воздух.

В половине седьмого Москва только просыпается, на улицах ее еще мало праздного люда, однако нет-нет да промелькнет фигура спешащего по своей надобности мастерового или проскрипит телега с товаром, направляясь на рыночную площадь, где уже кипит жизнь. По Трубной сновали уже торговцы, переругивались кухарки. Вверх к Сретенке медленно проползла

полупустая конка, запряженная цугом четверкой лошадей. Было холодно, то и дело принимался моросить мелкий противный дождик, но Артемьеву было удивительно хорошо на душе.

Он вышел из дому в том благостном расположении духа, какое охватывало его всякий раз, как он заканчивал очередное дело. Все кругом виделось ему в розовом свете, каким-то легким и воздушным.

В таком великолепном настроении он неспешно шел по Трубной площади, когда совсем рядом услышал крики дворника Скачкова. Так что он одним из первых оказался на месте происшествия, на полчаса опередив полицию. Этого получаса ему хватило на то, чтобы детально изучить все, что ему хотелось изучить, и похоронить большую часть своего прекрасного настроения.

У ворот дома быстро собралась толпа зевак, так как Скачков, не в пример Гесину, перетаскивать труп не стал, и последний можно было видеть через ворота. Он лежал в углу двора, в нескольких шагах от задней стены дома и примерно на таком же расстоянии от забора, отделившего владения Стоецкого от соседнего дома.

Представившись и выяснив, что за полицией уже послали, Артемьев оставил дворника сдерживать любопытных, а сам прошел во двор.

Потерпевший был крупный мужчина в плисовых штанах, заправленных в дегтярные сапоги, и поддевке поверх серой рубахи. Никакой более одежды на нем не было. Он лежал на спине, откинув в сторону правую руку и подвернув под себя левую. Сразу бросился в глаза черный шелковый шнурок, который опоясывал шею мертвеца, глубоко врезавшись в кожу.

На уровне сердца в поддевке чернело отверстие, материя вокруг заметно обгорела. По тому, что одежда потерпевшего промокла насквозь, а тело успело совершенно окоченеть, Артемьев решил про себя, что убийство произошло по меньшей мере несколько часов назад.

Вокруг дома двор был выложен крупным булыжником, такая же дорожка вела от ворот к дому и за него – к одноэтажному строению с застекленной крышей, примыкающему к забору. Вероятно, это была теплица. В остальной же части немощеный двор совершенно раскис от дождя. Для того чтобы ближе подойти к убитому, Артемьев был вынужден сойти с дорожки. Теперь, чтобы не оставлять лишних следов, он решил на нее вернуться по собственным следам. Следователь широко шагнул, поскользнулся и, едва не упав, оперся рукой о землю. Ругнувшись про себя, он выпрямился, достал платок и, рассеянно отирая грязную ладонь, огляделся.

Вот его следы, там он стоял, наклонившись над убитым. Здесь поскользнулся – след его руки четко отпечатался на мягкой земле... Других следов не было видно!

В том числе – и следов крови. Действуя скорее по наитию, Евгений Лазаревич еще раз склонился над покойным и осторожно двумя пальцами оттянул верх поддевки: на ней, с внутренней стороны, и на рубахе под ней были видны бурые пятна уже высохшей крови. Однако и в них имелась какая-то странность, которую он не сразу осознал.

«А дельце-то интересное!» – усмехнулся Артемьев. Из первых маловразумительных объяснений дворника он понял, что тот, едва увидев убитого, сразу бросился звать на помощь. Так что с дорожки он, похоже, не сходил и к убитому не подходил. «А убийца? Стреляли-то – в упор!.. А потерпевший – с неба упал?.. И эти пятна, что же в них такого „неправильного“? Ну, во-первых, маловато крови для такого ранения... Что же еще? ну конечно! Пятно на рубахе больше протянулось от пулевого отверстия почему-то вверх и вправо. – Не на голове же он стоял, когда в него стреляли!»

Первыми на место происшествия явились двое городских во главе с околоточным надзирателем, а вслед за ними через четверть часа пожаловал наш старый знакомый – пристав Благовещенский.

Пристав вылезал из пролетки, пыхтя и немилосердно чертыхаясь, когда во дворе появился хозяин дома Стоецкий.

Это был среднего роста плотный старик лет семидесяти – семидесяти пяти, в черных сарпинговых брюках, халате и старой чиновничьей шинели, накинутой на плечи. Из-под фуражки свисали лохмы серых волос. Он подошел медленно, тараша злые спросонья глаза, опираясь правой рукой на трость с костяным наконечником. Левая рука его как-то безжизненно висела вдоль тела, и когда он приблизился, Артемьев разглядел протез в черной перчатке.

Следователю показалось знакомым его лицо и он вспомнил, что встречал его иногда на улице и на площади по соседству со своим домом, хотя разговаривать с ним никогда не приходилось. Что ж, теперь представился случай познакомиться с ним накоротке.

Стоецкий окинул Артемьева презрительным взглядом и заговорил недовольным зашпанным голосом, обращаясь к подоспевшему дворнику.

– Ну, что за шум? Ты это кого, мерзавец, в такое время сюда напустил?

Дворник открыл было рот, но Артемьев сделал ему знак молчать и заговорил сам, противопоставив мягкость и вежливость грубости хозяина.

– С кем имею честь...

– Господин Стоецкий? Вы владелец этого дома?

– Я владелец. Что вам угодно?

– Прошу прощения, господин Стоецкий. Моя фамилия Артемьев. Я судебный следователь. Прекрасно понимаю ваше недовольство, но извольте взглянуть... – Артемьев указал на труп.

– Этот человек мертв, как вы видите. Мне бы хотелось знать, знаком он вам?

Стоецкий смерил Артемьева хмурым взглядом и перевел его на труп.

– Впервые вижу. А почему я должен его знать, собственно?

– Ну как же. Он лежит у вас во дворе.

– И что с того?

– У вас нет предположений, откуда он тут взялся? – ответил вопросом Артемьев.

– Не имею представления. Вчера двор был чист, мало ли что тут ночью набросали.

– Значит, вчера вечером его здесь не было?

– Шутить изволите?! И когда появился, не знаю. Я рано лег спать. Девяти не было.

– А ворота кто закрывал? Вот дворник...

– Я и закрывал. Этот бездельник в частном доме три дня отсиживался... Уж я тебе! – он погрозил дворнику тростью. – Ты у меня теперь выпьешь водки, морда!

– Так как же вы объясните, что при закрытых воротах труп здесь оказался?

– Объяснить? Мне объяснять?! Я сам должен спросить – как!

– Еще один вопрос, господин Стоецкий! Выстрела вы не слышали вечером или ночью?

– Ничего я не слышал! Спал я...

Старик повернулся к следователю спиной и направился к дому.

– А ворота, я вижу, открыты, – прибавил он, не оборачиваясь. – Откуда я знаю, может, вы сами и подбросили... или этот вот... Морда! – он ткнул тростью в сторону дворника.

Остатки хорошего настроения у Артемьева развеялись как дым. Этот старик своей грубостью вывел его из себя. Однако в его работе ему попадались типы и почище этого. Он сдержался и подчеркнуто вежливо ответил:

– Благодарю вас, господин Стоецкий. Вы будете вызваны для дачи формальных показаний.

Стоецкий кивнул и величаво поплыл в дом. Пока он не скрылся за дверью, следователь смотрел ему вслед, затем вопросительно взглянул на дворника.

– Ваш бродь, я же ведь аккурат перед вами пришел... Я ведь в кутузке, ваш бродь, по распоряжению самого господина Власовского... – начал было жаловаться дворник. – Как выпустили, так я и домой. Прихожу, вижу – лежит. А Станислав Тимофеевич...

– Так ворота закрыты были? – перебил его Артемьев. Ему вдруг вспомнилось, что точно такой же вопрос он задавал Гесину год назад после убийства Скворцова.

– Закрыты... ну, то есть вначале. Отпер, значит, вошел – я ведь всегда при ключах, ваш бродь – увидел, значит, и давай звать кого на помощь...

– А во дворе никого не заметил?

– Никак нет, никого.

– Точно?

– Я, ваш бродь, на службе в наблюдателях ходил. У меня глаз наметанный. Никого не было. Точно!

– Так-с. Ты вот что, покажи, где ты стоял, когда увидел... пострадавшего?

– Так, где стоял? Только вошел, вижу – мертвый, ну и...

– Так-с. Значит, к... пострадавшему близко не подходил?

– Никак нет! Малость по дорожке прошел, вот как бы досюда, гляжу – мертвый...

– Откуда же ты узнал, что он мертвый?

– Так видно же, ваш бродь. Дырка вон, и лежит-то сам... как мертвец. Я же на службе...

– Ну ладно, ладно. Я после тебя вызову – еще раз все точно расскажешь.

Пристав, который не приближался к следователю, пока тот разговаривал с домовладельцем и дворником, теперь подошел к нему в сопровождении недавно прибывшего тюремного врача. Чищенные сапоги пристава и пола его шинели были выпачканы глиной. Артемьев поздоровался с ними, взял пристава под руку и кивнул в сторону убитого.

– Ну, Леонтий Евсеевич, что вы про это думаете?

– Черт знает что, грязь развели!..

– Разделяю ваше возмущение, однако... – Артемьев кивнул на шнурок, – вам этот натюр-морт ничего не напоминает?

– Как же-с, дело Скворцова! – буркнул пристав, осматривая свою пострадавшую шинель.

– Вот именно, даже слишком!

– Что же вы, Евгений Лазаревич, и теперь анекдот не расскажете?.. А что до удавки – так был тут один умелец. Рудаков – Сергей Федорович, из сысского, да вы с ним знакомы! – давно за ним охотился, вышел тогда на него, ну, после убийства Скворцова, да взять не смог...

– Не в голосе я нынче, Леонтий Евсеевич, да и анекдот у нас, похоже, уже имеется, так сказать, в осязательной форме.

Артемьев вкратце поведал приставу о своем предварительном осмотре убитого.

– ...Так что удушен он или застрелен – это нам пусть доктор расскажет, но слишком много во всем этом несуразного! А про Сергея Федоровича вы хорошо мне напомнили! Надо будет с ним встретиться...

Он взял пристава под руку и увлек в сторону дома. Доктор между тем склонился над убитым.

– Знаете, что я подумал, Леонтий Евсеевич? Никаких следов возле трупа мы не заметили...

– Как же, – возразил пристав, – я видел там следы!

– Это мои следы, но уверяю вас, что я его сюда не перетащил, криво усмехнулся Артемьев и продолжил:

– Так вот, можно, конечно, предположить, что их тщательно уничтожили после убийства, но, простите, это уже совершенно за границей разумного.

Пристав согласно кивнул.

– Так как же он тогда тут оказался?

– А вот давайте мы с вами и посмотрим...

Пока врач осматривал труп, они успели обойти весь двор по периметру, и наконец снова вернулись к убитому. Тот уже лежал на боку, частично раздетый. Рядом с ним стояли доктор и городской, который, вероятно, помогал ему поворачивать и раздевать покойника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.